

АЛЕКСАНДР ЗАБОРСКИХ

Недолетден
зершторен

Александр Заборских
Зершторен

«Автор»

2016

Заборских А. А.

Зершторен / А. А. Заборских — «Автор», 2016

Роман-манифест о ненависти и уничтожении - себя и окружающих. Главного героя пожирает неизбывная злоба, которая одновременно его и питает.

Роман-поиск, роман-трагедия. Постмодернистская история о самопознании и самоидентификации. Содержит нецензурную брань.

© Заборских А. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

0	6
1	10
2	13
3	29
Финал	36
Пролегомена	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Только если мы сможем простить других. За то, что они сделали с нами...
Если мы сможем освободиться от наших историй. О том, как мы были злодеями
и жертвами...**

Только тогда у нас, может быть, и получится спасти мир.

(Чак Паланик. Призраки)

Стихи о Мизантропе №18

Я не часто заправляю постель.
Точнее постель я часто *не заправляю*.

Я не умею спорить.
Никогда не выигрывал в спорах.
По всей видимости,
потому, что у меня нет
стойкой позиции,
которую бы стоило отстаивать.
Нет взглядов.
Нет ценностей,
за которые бы я вгрызался в чужие глотки.

Если вы меня оскорбите,
я промолчу
и проглочу обиду.
Затаю лютую злобу
и буду вас помнить,
но всё равно ничего не сделаю.
Никогда не потребую сатисфакции.
Не вызову вас на дуэль
и не приглашу драться.
Я проглочу обиду,
и вечерами буду проплёвываться злословием,
и фантазировать на тему вариаций вашего фиаско
и моей – победы.
Я не способен к сопротивлению:
тихая, смиренная жизнь – моё тупое оцепенение.
Я склонный к насилию социопат.

Три лика ненависти

Рассказ Мизантропа № 18

0

Эти твари кусают мне спину, плечи и ноги. Я покрыт красными расчесами и волдырями. От жары я плавлюсь. Потный, липкий, будто политый сладким сиропом, противный самому себе. А эти мрази жрут меня заживо, пьют мою кровь и улетают вскармливать свое ублюдочное потомство, которое мне хочется растереть между пальцев. Раздавить, как я давлю очередную мошку или очередного комара, пойманных за трапезой. Мне хочется, чтобы все насекомые этой планеты сдохли. И мне плевать, если им вослед последует весь остальной животный сброд. Я не заплачу, когда увижу поля увядших цветов – я растопчу этот сухостой вместе с кучей дохлых пчёл и гусениц. Мне будет отраднo наблюдать груды разлагающихся лягушек, их вонючие, гниющие трупы, валяющиеся на болотах и озерах. Мне будет жаль только одного. Того, что всю эту поганую мертвечину не будет глотать целая куча омерзительных, тошнотворных, палево-желтых опарышей; постоянно шевелящаяся куча личинок, похожих на кусочки растворимой лапши.

Я спокойно давлю комаров, плющу их в кашу ладонью, изувером препарирую этих сволочей путем постепенного их расчленения: ну знаете, эта известная детская забава – поймать комара и отрывать ему поочередно сначала крылья, потом лапку за лапкой, затем хоботок (это самое сложное, потому что он очень тонкий, для пушкого успеха можно использовать ногти, чтоб подцепить этот волосок), а затем отсоединить тельце и головугрудь... Развитие мелкой моторики.

Но я прихожу в дикий ужас от комаров размером с половину ладони. Ноги немеют. Колени дрожат. Хочется зарыться в одеяло и сидеть, трусливо поджав хвост, пуская слюни и тяжело дыша, пока эта дура не улетит в окно.

Я – инсектофоб.

Также у меня арахнофобия. Но не путайте её с боязнью насекомых. Меня еще в школе бесили эти идиоты, эти умственно отсталые отщепенцы, которые постоянно причисляли пауков и скорпионов к насекомым.

Хотя мне кажется, что, если человек и не апифоб, и не мирмекофоб, если ему до лампочки виды пчел и муравьев, он все равно до усрачки перепугается, когда на него будут надвигаться их чертовы полчища.

Наши страхи прямо пропорциональны размерам возбудителей этих страхов.

Агорафоб будет чувствовать тревогу сидя в комнате с открытой дверью. В бескрайнем поле он потеряет сознание.

Некоторые даже не знают, что у них есть фобия. Наверное, многие откроют в себе акрофобов, сбрось их с небоскреба в триста этажей.

И наверняка многие станут мучениками клаустрофобии, если их накроет мегатонной бетонной плитой.

Как и страхи, прямую зависимость от размеров объекта имеет и наше милосердие. Вы не замечали с какой хладнокровностью мы херачим об лед или дерево только что пойманную треску или селедку? А смогли бы мы с таким же равнодушием проломить башку дельфину (я знаю, что он млекопитающее)? Или кашалоту? (что и он млекопитающее я знаю тоже). Это не имеет значения, рыба это или млекопитающее. Насколько развит его разум – тоже фигня. Обитая у нас на планете маленький народец Лилипутии, притом, все гении математики и изящной словесности, нам было бы легче раздавить одного их них, чем раскурочить ботинком мопса. Не догадываетесь, почему? Всё дело в том, что чем больше от трупа останется потрохов и крови, тем у нас к нему больше любви и симпатии. Дело не в цивилизованности и не в милосердии, а в банальной брезгливости и в банальном чистоплюйстве. Легко – раздавить кулаком таракана с

ноготь, который бегают у вас по кухне. И уже как-то не по себе – мадагаскарского, громадного ублюдка, с усами, шипящего, с панцирем, который при ударе хрустит, как горсть картофельных чипсов. Замечу, что и соков в нем больше, чем у маленького черного таракашки.

Мне вспоминается моё детство. Лето. Мы с другом идем по пустырю. Вокруг ржавые гаражи, обломки автомобилей, множественные напоминания о наличии в нашей жизни цивилизации: я имею в виду пластиковые коробки из-под молока и сигарет. А тут вдруг из островка травы выбегает маленький мышонок, совсем кроха, размер – две фаланги вашего пальца. Длина хвостика потянет на третью. А затем: эта идиллическая, пасторальная, постиндустриальная картина продолжается тем, что мой друг, не задумываясь, плющит эту мышь своей кроссовкой. И ржёт во всё горло, глядя на то, как из ректального отверстия зверька вылезли все его кишки...

На нас всех лежат подобные грехи. Преступления против животного мира. Некоторые называют это «знакомством детей с миром». Но такие заявления – проявление крайней степени идиотизма. И если ребёнок не знает, что плющить головы муравьям – нехорошо, это не лишает его вины перед этими муравьями. Незнание закона не освобождает от ответственности.

Я плющил головы муравьям. Для справки: они сдуваются у них, как маленькие воздушные шарики. Сдуваются с характерным звуком «пффф...»

Бросьте носиться с тем бредом, что дети – якобы цветы жизни. Дети – это ещё те выродки, угроза обществу, жестокие дикари; некоторых стоит душить уже в «нежном» возрасте, дабы эта тварь не расплодила себе подобных. И мне кажется, что было бы чрезвычайно разумно использовать приёмы селекции и к людям, уничтожая негодные экземпляры. Смахивает на «теорию миллиарда»? Или фашизм? Возможно. Вот только, увы, моя мечта несбыточна. Врождённое слюнтяйство и лицемерная жажда к справедливости, добру и состраданию всегда будут вставлять человечеству палки в колёса. Пока люди не одумаются, до скончания века безусловная человеческая мразь, гуманитарная шваль, сорняки: убийцы, насильники, педофилы – будут жрать еду, купленную на чёртовы деньги законопослушных граждан и добросовестных налогоплательщиков, которые им, уверен, хотелось бы потратить на куда более полезные вещи, например, на покупку «техасского коктейля»¹ для этих пидоров (правда, кое-где смертная казнь, к счастью, существует). Забавно, что некоторые считают, будто бы использование «инъекции смерти» приводит к безболезненной смерти казнимого. Однако же на практике, к моей радости, случается совсем наоборот, и вдруг оказывается, что старая, добрая гильотина – куда более гуманный инструмент умерщвления. Статистика являет, что при вскрытии «смертников», чью казнь исполнили с помощью этого «коктейля», очень часто обнаруживается факт несоблюдения дозировки обезболивающего: порой тиопентала натрия вводят недостаточно для того, чтобы осуждённый погрузился в глубокий сон; иногда препарат по забывчивости не вводят совсем. Между тем, при отсутствии обезболивающего введение павуллона и хлорида калия вызывает удушье и дикие боли. Так же, вследствие пресловутых гуманных побуждений к казни не допускаются врачи, поэтому, как правило, легитимным убийством занимаются сотрудники тюрьмы. Такое распределение обязанностей нередко приводит к случаям, когда казнь затягивается на десятки минут, а казнимый оказывается буквально исколот шприцами из-за того, что исполнителям не удавалось найти подходящие для инъекции вены и уверенно и быстро ввести в них иглы.

В погоне за человеколюбием и толерантностью люди когда-нибудь дойдут в конечном итоге до вымирания и решительно изведут себя.

¹ Ряд химических веществ, которые поочерёдно вводят осуждённому в организм для его безболезненной смерти: первым вводится тиопентал натрия (анестетик, используемый в меньших количествах при операциях), затем – павуллон, парализующий дыхательную мускулатуру, в конце – хлорид калия, который приводит к остановке сердца.

Пытаются исключить из смертных казней боль, хотя только приумножают её или, лучше, придумывают всё более изощрённые виды экзекуций. Как мне кажется, казнь дошла до своего совершенства в смысле безболезненности в восемнадцатом веке, когда людей стали массово не рубить на куски, не изжаривать заживо в масле и не сжигать к чёртовой матери, а милосердно гильотинировать. Но, надо полагать, я ошибаюсь, иначе ведь не стали бы придумывать электрический стул как способ убийства человека так, чтоб тот не мучился. Но наверняка все мы с вами помним «Зелёную милю».

Дарвинисты ратуют за эволюцию. Хотя люди что в прошлом, что в настоящем – всё суть одни и те же обезьяны, охочие до зрелищ. Если условно из казни и убрали аспект боли путём изобретения «инъекции смерти», то рабское желание присутствовать на казни так и осталось у многих в мозгах. И, уверен, никто бы из собирающегося на такие мероприятия сброда не расстроился, если бы приговоренного, прежде чем убить, избили бы, сексуально унизили (и чем жёстче, тем лучше), изорвали плетью из колючей проволоки, обплевали и посыпали в заключение щёлочью, чтобы, возможно, этот чувак сдох уже на одном из этапов прелюдии. Очевидно, что все бы рукоплескали, плакали от счастья и просили продолжения. И снова же весь путь от банального отрубания головы и костра, до химических изысков был проложен не стремлением людей избавить себе подобных от страданий – он был проложен лицемерным стремлением к пристойности и благовидности. Согласитесь, обожженный труп не выглядит презентабельно, как, собственно, и тот труп, который разрубили на четыре части или даже которому просто отрубили голову. Чистоплюйство не выносит вида крови и горелого мяса. И совсем не исключено, что при казни на электрическом стуле не будет подобного описанному Кингом застранца, который не промокнёт губку и зажарит какого-нибудь французика, так что тем провоняет вся тюрьма. Да и подспудно всем плевать, будет ли мучиться от «техасского коктейля» какой-нибудь очередной мистер Любитель-Маленьких-Мальчиков-И-Людоед, главное, чтоб всё было чисто и ладно. Собственно, от казни все только того и ждут, что казнимый будет орать и визжать, матерясь, от боли. Изначально, признаться честно, они, казни, для того и задумывались. Это потом господа хорошие их суть извратили во что-то невразумительное.

Мы обожаем виды жестокости. И эту людскую жажду крови, криков, насилия и слюней готовы утолить как низкие жанры – я имею в виду порно с элементами жестокости, – так и истязания, замотанные в по-своему стильную, якобы элитарную обёртку корриды. Кому интересно: всегда, когда при каждодневном сеансе переключения каналов на телевизоре я натываюсь на корриду, я болею за быка. И мне радостно, когда мой любимец насаживает какого-нибудь «мальчишку в штанишках» на рога.

Если бы вы спросили, какую страну мне хотелось бы подорвать ядерной боеголовкой, до недавнего времени я бы ответил, что Испанию. Однако теперь, даже этой по-ублюдски жаркой летней ночью, я хочу разнести в пух и прах одну лишь Данию со всеми теми конченными подонками, которые ежегодно, прихватив с собой крюки, дубины и палки с гвоздями, собираются на Фарерских островах с одной лишь поганой целью: убивать – беспощадно и кощунственно – мигрирующих колдеронских дельфинов, чей природой задуманный путь проходит как раз таки через Данию и всех её мерзопакостных жителей, которые называют это просто кошмарное по жестокости действие *тысячелетней традицией*, подобно уже упомянутой корриде у Испанцев. Однако в случае с последней у быка есть, хоть и маленькие, но шансы выжить. Но я не в коем случае этим не оправдываю Испанию. Дельфины же обречены – их убивают до последнего уцелевшего. Хуже всего то, что датчане делают это долго и с большим наслаждением – в дельфина медленно вонзают несколько толстых острых крюков, пока тот не умрёт. Некоторые лупят по животным дубинами и обломками арматур, в общем, тем, что только смогли найти в своих сучьих жилищах. Под конец всей этой бойни убийцы с ног до головы оказываются залитыми дельфиньей кровью. Вода же у берега ещё несколько дней остаётся кроваво-красной. Шокированные туристы, не познакомившиеся заблаговременно с дикими традициями страны,

говорят, что крики дельфинов, бока которых варварски разрывают железными крюками, очень похожи на плач новорождённых младенцев.

Датчане оправдывают свою ежегодную мясорубку тем, что от такой давней традиции просто *не могут отказаться*; и тем, что дельфины якобы съедают много рыбы в пору своих миграций. Почему в этом случае «зелёные» не могут достать язык из своих толерантных побритых жоп и сказать, что дельфинов можно убивать и не так жестоко и мерзостно, как это делают долбанные цивилизованные господа из евросоюза, я понять не могу...

Я как-то сказал, что весьма немногие смогут проломить череп дельфину или кашалоту. «Я ошибался», говорю себе. Человеческой жестокости нет границ. Жестокости, бесцельной и неоправданной.

Я порой проваливаюсь в дрёму... и, как мне кажется, тут же снова просыпаюсь, не до конца осознавая, спал ли я сейчас или всё это время бодрствовал?

Меня порой посещают бредовые идеи по переустройству мира. Своеобразные фантазии на тему антиутопий. В один из таких случаев мне пришла идея: а не лучшим ли наказанием для какого-нибудь садиста, врага рода человеческого, было бы отдать его в рабство пострадавшей стороны? Мне кажется, убитые горем родители какой-нибудь изнасилованной и расчленённой впоследствии девочки окажутся лучшими в плане определения наказания.

Хотя всё это бред. Бред вследствие бессонницы. Это лишь на первый взгляд кажется, что мать, проклиная в зале суда убийцу своего ребёнка, набросится на истязателя и выдавит ему глаза в лучших традициях «Города Грехов» – лишь дай той волю. Уверен, единственное, что в таком случае произойдёт, – это полная растерянность с одной и с другой стороны. Ну и может, один-два небрежных удара по голове той наглой сволочи. К тому же и те по касательной.

Всё, что связано с людьми, не может иметь застоя. Стагнация – это миф, придуманный в стремлении к систематизации всего, что ни есть. Единственно затем, чтобы всему на этом свете было название. Насколько мне известно, по нашим городам не бродят гремлены и гномы. Однако же названия для всех этих существ есть. Не вдаваясь в демагогии, мне хочется сказать лишь то, что фантазия человека в плане *всего* не остановится, наверное, до тех пор, пока не вымрет последний из людей. Да и тогда вполне может быть, что на смену человеку придёт искусственный интеллект, который продолжит начинания своего создателя и продлит список различных изобретений. Креационизм всё-таки не бред сумасшедшего анахрониста-теолога. Нам кажется, что большего извращения, чем вспороть заключённому брюхо, вытащить оттуда кишки, привязать те к шесту и заставить истязаемого бегать вокруг этого столбика – нельзя и представить, но, уж поверьте, воображение людей безгранично. Человек везде найдёт место для творчества...

С этими мыслями этой ночью я пытаюсь уснуть, укутавшись с головой в покрывало, дабы защитить зудящую кожу от надоедливых мошек и комаров. Пытаюсь уснуть. И всё безуспешно...

1

Я занят во фрилансе. Фрилансе в сфере туризма. Точнее, надо полагать, эту сферу стоит называть сферой досуга или, уж если на то пошло, сферой секса. Нет, я не вожу туристов по каким-то необычным борделям или закрытым тематическим клубам для хитровыдуманных извращенцев – при желании всё можно найти и самим. Я же предоставляю услуги иного плана: всех желающих я приглашаю на съёмки настоящего порно. Знали бы вы, сколько найдется желающих посетить такие экскурсии. В их числе нельзя найти, как сказал один классик, «утомлённую онанизмом»² молодёжь. Причин здесь несколько: во-первых, чтобы посетить такое мероприятие, им придётся чрезвычайно долго копить карманные деньги (такое удастся, наверное, только настоящим фанатам жанра; такие мне ещё не встречались); а во-вторых, вход на съёмочную площадку не предполагает участие в самих съёмках – только просмотр и, при желании, разговор со съёмочной командой. (Хотя в моей практике бывали случаи, когда посетившие место действия сначала в качестве наблюдателей, затем становились его участниками.)

Одна из самых необычных категорий интересующихся подноготной порноиндустрии, и поэтому нуждающихся в моих услугах – это женщины. Как правило, они приходят туда затем, чтобы пообщаться преимущественно с девушками, занятыми непосредственно в основном процессе. Они, эти скромницы с минимумом косметики на лице, считая себя средоточием нравственности и порядочности в этом мире, пытаются направить заблудшие души на путь истинный и уговорить наших девочек отказаться от «этого мерзкого и унижающего достоинство женщины занятия». Но пока ни у кого это не получилось. Девушки-актрисы очень вежливы с такими дамами, и поэтому, выслушивая в свой адрес нередко очень неприятные вещи, облачённые в красивые слова и речевые обороты, принимают при этом смиренный вид библейских блудниц, что очень нравится тем всезнающим матронам, которые уходят со съёмок с видом победительниц, надеясь на свой дар убеждения и действенность приведённых доводов. Что, однако, по их уходе тут же высмеивается всеми присутствующими. И мной в том числе. Надо полагать, что одной из причин нашего веселья является то, что всё-таки эти, вполне может быть, честные жёны и матери тайно завидуют этим «порочным во всех отношениях» актрисам. (Но здесь я, кажется, перегнул палку, потому что у честных жён и матерей попросту не должно быть времени, чтобы шляться по такого рода сомнительным местам. Возникает логичное предположение о том, что все эти «проповедники в юбках» всего лишь одинокие, несчастные завсегдатаи сомнительных сайтов и коллекционеры подкроватной эротики, как в виде кассет и дисков, так и в виде различных так называемых «игрушек» для самоудовлетворения.) И почему в таком случае они считают себя вправе навязывать кому-то собственную мораль и правду, не известно. Как говорит мой друг, режиссёр как раз таки фильмов для взрослых, не стоит наделять фригидностью матерей и честных жён. Будучи обычными людьми, они несколько не обязаны влачить обет целомудрия... зачать ребёнка – легко. Получить удовольствие друг от друга – куда сложнее. Вот так он всегда и говорит.

Но есть и третий контингент, который редко, но всё же посещает такого рода мероприятия.

Писатели.

В последние десятилетия порно стало предметом, можно сказать, обиходным. И всё чаще его используют в искусстве. И я сейчас не имею в виду женские любовные романы, написанные либо толстыми волосатыми мужиками, либо не удовлетворёнными в постели женщинами, чья сексуальная сублимация рисует им картинки «разгорячённых чресел в тени рододендро-

² В. В. Набоков. Лолита

нов», так называемое «порно для мамы». Я говорю о таком направлении, как неонатурализм, который нередко обращается в сторону не просто описания эротических сцен с элементами преобладания физиологии над чувственностью, а к порно как таковому. Писатели всё чаще стали использовать в качестве героев своих книг персонажей так или иначе связанных со сферой интимных отношений, поставленных на конвейер. Самый известный из таких конвейеров, привлекающий всеобщее внимание, – конечно же, производство порнографии.

Собственно, на сегодня у меня как раз и назначена встреча с одним из таких писателей, собирающих материал для будущего романа.

Для интереса я попросил у него за месяц до нашего «похода» почитать что-нибудь из его сочинений. Надо сказать, я надеялся прочесть что-нибудь жёсткое и по-своему болезненное. И не ошибся в предположениях. Он дал мне почитать на досуге один из своих ранних рассказов, который был им охарактеризован как научная фантастика с элементами экзистенциализма... или экзистенциализм с элементами научной фантастики – я точно не помню, в какой последовательности тогда были произнесены эти термины. Рассказ назывался «Радиоприёмник». Скажу сразу: в конце все погибают. Нет, серьёзно – *все*.

Читая «Радиоприёмник», я сразу заметил, что его стиль сильно смахивает на стиль рассказов Рэя Брэдбери, в подражании которому мой клиент сразу признался. Он сказал, что один из мотивов рассказа как раз таки в неприкрытом подражании.

(Хренов постмодернист!)

Вас, наверное, несколько смутил тот факт, что я упомянул в своём повествовании имя Рэя Брэдбери? Ха! А вы думали я обиженный в мозгах, тупоумный дебил, раз вожу дружбы с порнушниками? Но в таком случае вы глубоко заблуждаетесь в отношении моей образованности: до того, как меня начали мучить сильные головные боли, я занимался вполне себе активным саморазвитием в плане интеллекта, иначе бы я наверняка так не строил своё повествование. Но теперь же из-за усилившихся болей в голове моя умственная трудоспособность снизилась почти до нуля. Сами представьте, насколько я немощен, ведь за этот месяц мне удалось прочесть только этот жалкий рассказ из тридцати страниц...

Во время приступов головной боли, которые в последнее время только участились, мне хочется только одного: выломать лобную кость и соскрести ту дрянь, налипшую на обратной стороне черепа; ту дрянь, которая безбожно давит мне на мозги, плющит их и будто выжимает из них последние соки, остатки рассудка и здравого смысла.

Мне снятся ужасные сны.

Проснувшись сегодня, я лежу, раскинувшись, на измятой постели. Вспотевший, невыспавшийся, с гудящей головой, я вспоминаю свой только что оборвавшийся звоном будильника сон. Я самолично сдирал свой скальп. Шёл по коридорам дома, в котором живу, спускался-поднимался по лестнице на разные этажи. И, главное, целеустремлённо и упёрто сдирал кожу с головы вместе с волосами и мясом. В тот момент я с тревогой и страхом ожидал предстоящую одуряющую боль. Но она всё не являлась. Будто то был не шмат моей плоти, а кусок латекса, налипшего на лысую голову. Отслаивая последние сантиметры собственного скальпа, я думал о том, точнее, ярко себе представлял то, какой будет на ощупь моя окровавленная черепушка с оголёнными, наверное, нервами. Однако всего этого мною нафантазированного ужаса не оказалось. Не было ни боли, ни крови, ни багровой, голой, черепной кости. Не было никаких извращений в стиле японской кинематографии, на подобие густого, жирного, алого фонтана кровищи и мозгов. Отделив от себя этот большой лоскут дермы, я нащупал дрожащими пальцами гладкую, чистую, без единой царапины лысину, которой у меня никогда не было, потому что, сколько себя помню, у меня на голове всегда была шапка густых волос. И, однако, я был несказанно рад тому факту, что не стал похожим на бескожего монстра-членовредителя, занимающегося изощренными экспериментами... затем, пребывая в недоумении от всей этой непомерной странности, я проснулся. И вот лежу сейчас и думаю, встать ли или

же переключить будильник на два часа попозже? Но мысли о намеченной на сегодня экскурсии с тем писателем гадостно портят весь блаженный покой утреннего засыпания...

Я разлепляю глаза. И снова же их закрываю, мгновенно проваливаясь в дрему. Просыпаюсь через минут десять. И опять пытаюсь заставить себя встать. Сердце недовольно колотится. Не только в груди, но и в горле, животе и запястьях. В ушах звенит. И так хочется спать. Всё к этому благоволит. Ни мошек, ни комаров, ни шума. Тишина и покой. На которые мне приходится наплевать. Будильник снова орёт колокольчиками, электроникой и клависоном. Безбожно отказывается затыкаться. Орёт минуту. Вторую. Третью. Мелодия повторяется раз за разом, превращаясь в какой-то гипнотический ритм. Раз за разом. Раз за разом.

Раз.

За разом.

Раз.

За разом.

Наконец я открываю глаза. Взбешённый. С затаённой ненавистью на весь род людской и всё живое в этом мире. Я готов отрубить голову всему живому на этом свете, расстрелять, сжечь автогенном, растоптать, изничтожить в мерзостную осклизлую амальгаму... лишь бы ещё поспать.

Тяжело дышу, но встаю. И иду мыть лицо, исходящее пульсом.

Моя квартира – это студия. Без стен и дополнительных комнат. Правда, при единственном исключении в виде ванной с совмещённым санузлом, сокрытая от посторонних глаз. У меньшей по длине стены стоит просторная большая кровать, в ногах которой (если быть аккуратистом – у правого угла) на тумбочке стоит телевизор. Напротив поодаль – круглый обеденный стол и кухня. Если сидеть на кровати лицом к кухне, то по левую руку окажется дверь, чуть в бок к кровати – книжный шкаф во всю стену, забитый литературой, а по правую – окно, за которым – небольшой балкончик с витыми решётками. Сбоку, справа от кухни, располагается ванная.

Один чувак как-то сказал, что, если вначале пьесы на стене висит ружью, в финале оно обязано выстрелить. Это был Чехов. Другой чувак как-то сказал, что присутствие лишних, случайных деталей и описаний вещей, не играющих в повествовании особой роли, похоже на то, как рыбак забрасывает удочку, но рыбку не достаёт. Третий чувак говорил в своё время, что если в рассказе присутствует описание обстановки в комнате, то за этим должно последовать какое-то с тем связанное действие. Но отнюдь за мной не будет гоняться, по примеру, кстати, того третьего чувака, по всей квартире свихнувшийся маньяк-полудурок в хоккейной маске на башке и бензопилой в большущих руках; и уж определённо не будет пытаться вспороть мне брюхо, при этом спотыкаясь о мной ранее упомянутую кровать или круглый обеденный столик.

Я лишь говорю в унисон со своими мыслями, которые порой могут не иметь связи с последующими размышлениями. А возможно, и вовсе не будут иметь логики. Говорю синхронно со своим взглядом, который может вдруг зацепиться за что угодно.

Я наконец проснулся. Наконец встал. Наконец умылся.

Болит голова. Мигрень, будто симбионт. Паразит. Фыркающий моллюск, обволакивающий мои нервы своими щупальцами. Крючками. Присосками. Чёрной мерзостью...

Чтобы моя остервенело насилуемая башка хоть ещё как-то умственно работала, я ужираюсь обезболивающими. Единственная радость в моём нынешнем околосмертном состоянии...

2

Я сижу на диване, а напротив, на огромной белой стене бывшего склада выводится видео того, как под тяжёлую музыку друг с другом трахаются свинолюди. Окна замурованы кирпичами и завешаны гобеленами с геральдикой, всё вокруг стилизовано под эклектичное средневековье. На середине ангара стоит кровать с чёрными шёлковыми простынями. Повсюду расставлена техника для съёмки, которая идёт в полном разгаре: девушка томно стонет, стоя на четвереньках под светом прожекторов, проминая собою кровать, закидывает голову, эротично закусывает губы; парень позади неё, подстраиваясь к темпу барабанов и рифа ритм-гитары, ловит от всего происходящего кайф. Это он надоумил моего друга, порнографа, который даёт мне полный доступ к съёмкам, снять красивый и стильный ролик на фоне какого-нибудь дикого и яростного рокерского клипа, а затем смонтировать всё под ту же музыку – своего рода кавер-версия видео – только для взрослых, хотя и у первоначального варианта ограничения 18+.

После съёмок актёр, молодой парень, признаётся писателю, которого я привёл на экскурсию, что он, парень-актёр, давно мечтал заняться сексом под оглушительный рёв «Rammstein».

Сейчас же, когда идут непосредственно съёмки, парень, пытаясь перекрыть крамольные слова песни, говорит моему другу, который сидит рядом с одним из операторов на складном стульчике, что в следующий раз хочет балерину и не одну. В то время как он трахает партнёршу сзади, жёстко врезаясь в её сочащуюся секретами плоть плотью своей, до предела напряжённой и пульсирующей, он пытается подпевать солисту и орёт во всё горло припев песни:

I hate my life and I hate you,
I hate my wife and her boyfriend, too!
I hate to hate and I hate that,
I hate my life so very bad,
I hate my kids, never thought
That I'd praise abort! –

и строит гримасы, подражая солисту, загримированному в человека-свинью. В конце концов это превращается в сплошной цирк: парень поёт, девушка, перестав театрально стонать и кривиться от якобы неопишуемого блаженства, просто хохочет, что, собственно, делает и вся остальная съёмочная группа. Писатель спрашивает меня, громко выговаривая слова мне в ухо, чтоб перекрыть музыку, всегда ли у нас *такое* твориться? Я отвечаю ему, что это впервые такой бардак. Я говорю, что, видать, они это делают для него, то есть для самого писателя, чтоб тому было интересней. Как правило, продолжаю я, это не так уж и занимательно: пялиться на то, как пара занимается любовью то в одной, то в другой позе. Это лишь в готовом виде ролик выглядит красиво и возбуждающе. В реальности же это – рутина, как и все остальные профессии.

Хотя если на чистоту, то мой друг-порнограф и вся съёмочная группа, в общем – никто из них не стал бы выделяться ради какого-то там писаки, будь он хоть самый раскрученный из всех литераторов современности. Для них это дело принципа.

К концу первого припева девушка овладевает собой и начинает снова мастерски исполнять свою роль блаженствующей нимфы: стонать и строить возбуждающие гримасы.

Собственно, в целом, любое порно – это, в первую очередь, чудеса монтажа.

Динамики бушуют индастриал-маталом. Моя гортань вибрирует от звуковых волн, хотя я в это время молчу.

Парень-актёр порой закрывает глаза, наслаждаясь наряду с коитусальными радостями ещё и музыкой, до безобразия громкой и разъярённой.

А на импровизированном громадном экране – белой стене – происходят кошмарные действия, снятые в стиле бурлеска в белых и красных тонах: под слова заgrimированного в свиномужика солиста: «Я ненавижу свою жизнь и ненавижу тебя, ненавижу свою жену и её любовника, я ненавижу саму эту ненависть...» – на белой сцене танцуют беременные балерины; руки солиста, разряженного в белые брюки, белую рубашку и белый жилет, солиста, морщинистого и с пятаком, – его руки заляпаны – буквально залиты – кровью по самые локти, а на ногах у прекрасных танцовщиц алеют колготки, стилизованные под истечения крови, будто аборт им был сделан только-только и «на живую», без анестезии тем самым солистом, у которого руки по локоть красные от крови, принадлежавшей, надо полагать, тем балеринам. «... я ненавижу своих детей, и никогда бы не подумал, что буду хвалить аборт» – солист в своём кошмарном обличье лежит на белом рояле и поёт свои ненавистнические строки, плавно водя окровавленными руками по воздуху, подобно какой-нибудь попсовой шлюховатой певичке в манере гламурных клише конца двадцатого века.

В то время как начинается второй куплет, солист предстаёт в образе свиноматки, у которой до чёртовой тучи детей. Милые поросята сосут грудь своей уродливой матери, а сама их мать баритоном взывает к слушателям:

Я люблю трахаться, но теперь с презервативом,
Ведь жизнь гораздо лучше без детей,
Так что в конце концов мне пришлось
Воздержаться от сношений с женщинами
(ремарка: не забываем, что лирический герой – мужчина).

Я ненавижу свою жизнь и ненавижу тебя!

Слава аборту!

Парень-актёр обратно-поступательно двигается в теле девушки и кричит в унисон свиноматке: «Praise abort!» – играя тембром своего голоса.

А я в это время думаю о том, что аборт и грамотная контрацепция – это фатум всех актрис, подобных той барышне, что сейчас мнёт коленями кровать. Участие в порнографии налагает на этих девушек уйму ответственности, рассуждаю я, и в первую очередь, морального плана. Конечно, рожать им никто не может запретить, но лучше, если у них не будет потомства... из милосердия к этим детям.

Мой друг, тот, что сейчас сидит на складном стульчике рядом с оператором, как-то сказал, что с большим позором приходит большая ответственность, пародируя слова дяди Бена³.

Девушкам, актрисам порно, самим известно, что неписанный запрет на роды налагается не потому, что они могут потерять форму после родов или на целые месяцы уйти в декрет, чего никогда не будет, поскольку у порно с участием беременных дам множество поклонников и даже настоящих ценителей. И не потому, очень может быть, что впоследствии в будущем ровесники, знакомые и одноклассники, даже друзья и приятели ребёнка этой женщины могут массово мастурбировать, насмотревшись роликов с её участием. Самое неприятное, на мой взгляд, то, что на ролики с её участием может наткнуться её ребёнок... И вполне возможно, что просматривая старые фотоальбомы, он обнаружит на фотографиях знакомое лицо, на которое,

³ Персонаж комиксов о Человеке-Пауке.

в то время как он прерывисто дышал и яростно онанировал, кончала куча мужиков в фильме под похабным названием...

В момент этого размышления в динамиках начинает прогрессировать саспенс, отчего стены ангара ходят ходуном. На экране – той белой громадной стене – каскад кадров: балерины валяются на сцене, корчась от боли, хватаясь за раздутые животы; омерзительный, грязный хряк с сеточкой на волосах мандражирует, жестоко стегая кучерским стеклом свою жену-свиноматку; а на сцене из сгустка белого дыма появляется Мадонна с поросёнком на руках – её лицо морщинисто и с пятаком...

Говори «прощай», говори «прощай»...
Мы поднимаемся в небо...
Произнеси слова прощания, мы скоро вернемся...
Красивыми бабочками...
И заставим тебя плакать.

Порсячья Мадонна становится на колени, молит о пощаде; а перед ней – статно и величественно – встаёт тот, чьи руки в крови; равнодушные, надменные балерины подкатывают к нему на тележке «машину смерти» – баллон с жатым воздухом; он, свин, берёт в руки пневмопушку со шлангом; и выпускает Мадонне мозги воздушным зарядом, и снова поёт, лихо вытанцовывая перед беременными танцовщицами с ногами, будто залитыми кровью, вытекшей из их растерзанных чресел:

Я ненавижу свою жизнь и ненавижу тебя,
Я ненавижу свою жену и ее любовника.
Я ненавижу саму эту ненависть,
Я ужасно ненавижу самого себя, такого скверного,
Я ненавижу своих отпрысков, никогда бы не подумал,
Что буду прославлять аборт!

I praise abort!
I praise abort!
I praise abort!⁴

После первой части съёмок, уже в тишине, когда актёры протираются влажными полотенцами и одеваются, к нам с писателем подсаживается мой друг, жмёт руку мне и писателю, и я пересказываю ему наш с писателем разговор о рутине профессий, и он, порнограф, говорит после этого «ну да...», говорит, что большинство людей, прозябая на такого рода рабочих местах, «рутинных», лишённых всякого будущего смысла, не имеют как таковой ценности для будущего. Если, конечно, – добавляет он, – у них не будет какого-нибудь грандиозного хобби.

Большинство людей, продолжает он свой спич, – это массовка, если хотите, отбросы, от исчезновения которых ничего в мире не изменится: я и те, что сейчас мяли постель. Ни на что не способные, ни на что не годные и ни на что не влияющие никчёмности, которые только занимают место. Историю вершат единицы.

Девушка-ассистентка подходит к нам с подносом, на котором стоит три стаканчика с кофе. Каждый из нас берёт по стаканчику. Мы её благодарим, а она, улыбнувшись, уходит, приладив поднос под мышку.

⁴ Lindemann – Praise Abort

– Но я имею в виду не исторических пакостников, – продолжает мой друг прерванную мысль, дую на горячий кофе, пытаясь его остудить, – вроде Гитлера или Сталина и прочих таких же чертей, что и мы с вами, правда, с одним лишь отличием в том, что мы меньше наворотили или ещё когда-нибудь наворотим проблем.

– Хм, вы считаете, что Сталин и Гитлер – просто пакостники? – переспрашивает писатель. – Вам самому не кажется это сомнительным? То есть, по-вашему, всё то, что они наделали, – просто-напросто *пакость*?

– Да, и ничего больше. И в эту самую пакость этих сволочей стоило бы ткнуть их погаными мордами, как мы тычем моськами обоссавшихся котов! Проблема наша в том, что мы их, Сталина и Гитлера, да и всю остальную братию падали, пытаемся обожествить, сделать из них культ, как некоторые делают культ из образа императрицы Мессалины, хотя по сути та была всего лишь знатной шлюхой. Так и здесь. Делаем из них каких-то полубогов, делаем немалый живучий китч, масштабный, шизоидный китч, по которому они у нас уже чуть ли не князья тьмы, обладающие суперспособностями, изрыгающие пламя. Вдумайтесь: они ж те же самые люди, только дорвавшиеся до власти. Те же закоплексованные и забитые ничтожества, которые свою затаённую злобу срывали не как мы – обычные, среднестатистические или, лучше, лишённые власти – на своих близких или на беззащитной животине, а на населении своих и чужих стран. Наполеон был коротышкой, жирной, но, умной коротышкой, и к тому же коротышкой озлобленной. Теми же злобными коротышками были и Сталин с Гитлером. А злобные коротышки любят придумывать себе хитровыдуманные образы, театральные роли, а их подмостки – это весь мир: вспомните – у них у всех были свои особые жесты: Бонапарт, Сталин, Гитлер, даже Ленин – все со своими фишками и червяками в башке.

Для справки: в сопровождении Ленина, так сказать, в его команде, все его приближённые были выше его ростом: причина – Ленину было отрадно, что все эти гиганты и великаны подчиняются ему, низкорослому, но *умному* и *могущественному*. У Сталина была другая закономерность: он, наоборот, не держал рядом с собой людей выше себя, по понятным причинам. И, кстати сказать, многие были расстреляны только лишь поэтому, из-за своего роста.

Никогда не забуду изречение Сталина: «Одна смерть – это трагедия. Миллион смертей – статистика». Уже это о чём-то, да говорит. К тому же: насколько нужно быть пнём, чтоб прошляпить вторжение фашистов, уму непостижимо!

Чтобы попасть в историю, нужно в этой истории крупно засветиться. И здесь уже неважно, добро ты делаешь или зло – важны масштабы и массы, которые этот масштаб заметят. Всем плевать, что ты спас котёнка от своры диких собак. Чтоб тебя заметили, а уж тем более запомнили, ты обязан уберечь от вымирания популяции этих самых котов.

Никто не заметит, что ты забил до смерти дельфина. Но то, что ты стёр с лица Земли дельфинов как вид, вот это уже *то*, что войдёт в историю.

Мой друг попивает кофе и говорит:

– Культ необходим. Но средоточием культа мы постоянно избираем не тех, пропуская поистине достойных.

Я имею в виду учёных, художников, писателей, композиторов. Тех людей, которые в действительности сделали мир совершеннее, чем он был в начале их жизней. Это *они* воздвигли *цивилизацию*. Я, он (кивает в мою сторону) или вот они (показывает на актёров) – сущая погань, как и большинство из ныне живущих. Мы ни черта не умеем и ни черта не делаем. Мы даже не знаем, зачем живём. И даже если я бы и выучился на криминалиста в молодости, то был бы всё тем же ремесленником, как пекарь или рабочий у станка.

Я не говорю, что эти люди бесполезны. Как компьютеру необходима система охлаждения и смазка деталей, так и обществу нужны все эти случайные... ммм... (мой друг ещё пытается быть корректным) люди. Но как в компьютере главное – процессор, так в обществе первосте-

пенны только *некоторые* люди, чьи жизни, безусловно, ценнее и миллиона тех побочных звеньев эволюции. Промежуточных, – под конец уточняет он с непосредственной миной на лице.

Писатель держит в руке диктофон, на который в точности записываются слова моего друга.

– Я не стал честным тружеником, но и кем-то лучше пока тоже. Я стараюсь выйти из ряда *побочных* или *промежуточных*, попросту – перестать быть серостью, «одним из», тупиком эволюции. Я пока лишь *пытаюсь* делать эротику красивой и художественной. Не кустарной, гаражной чушью, как это часто бывает. Не гонзо-порно, когда картинка двоится и троится на пиксели, а герои этих «художеств» больше похожи на заплывших жиром свиней. Мне хочется сделать из порнографии искусство, настоящее искусство, наряду с живописью и кино. И я уверен, что когда-нибудь это случится. Ведь присутствует же порно в литературе, и довольно крепко оно там обосновалось. Вот даже вы, – обращается он к писателю, – прибегли к этой теме. Не порно, правда, но эротика есть и в живописи. Порно есть и в кино. И давно, кстати. Вот только примеры все площадные. Смотрели «Нимфоманку» Ларса фон Триера? – Мы мотаем головами, якобы «нет, не смотрели». – Жаль, – он мимоходом попивает свой кофе, – потому что это прекрасный пример того, как порно используется всего лишь для дешёвой рекламы своего отстойного фильма.

Он говорит, что в наше время, в эпоху укоренившегося постмодернизма, порно, эротику, используют безрассудно, не имея понятия о всей ценности и своеобразии этого щекотливого, исключительного жанра. Эротику опошлили нынешние маркетологи, а за ними за это кощунство взялись и все, кому не лень: от бездарных писак до уже выдохшихся кинематографистов. Мой друг говорит, что если у Тарантино ещё есть мозги, а в них идеи для новых достойных фильмов, то у фон Триера эти мысли уже иссякли.

Затем он обращается к актёру, надевающему майку, и спрашивает, что тому больше всего понравилось в «Нимфоманке»?

– Единственное, что мне в этой фигне понравилось, – отвечает актёр, расправляя на себе майку, – так это саундтрек от «Rammstein». И то: он был только в первой части, и к тому же не к месту.

Одевшись парень-актёр идёт в сторону туалета.

– Вот то-то и оно! – восклицает мой друг. – Ещё и от «Rammstein» Триер рекламу поимел.

В недовольстве он откидывается на спинку дивана и продолжает с раздражением в голосе:

– Много мне попадалось чокнутых придурей, орущих во всю свою чёртову глотку о том, что «постмодернизм – бессмысленный и лишённый всяких перспектив нарост на теле литературы; что это чистой воды безобразие» – просто тот пень был *якобы* писателем. – На слове «якобы» мой друг саркастически качает головой и таращит глаза. – И это лишь частность. Я много слышал бредовых заявлений о том, что традиция – это будто бы оплот человечества.

(Я тут же вспоминаю традицию датчан кровожадно забивать дельфинов).

– Что ж, – продолжает мой друг, – пусть эти брызжущие слюной изжитки прошлого...

– Подождите! – вдруг встречает писатель. – А почему тот, о ком вы говорите, называет постмодернизм «безобразием»? – с озадаченным видом спрашивает он.

– Просто ему не нравится, что в постмодернизме всё позволено: секс, насилие, жестокость – в общем, полная невоздержанность. Вот это его и бесит. Обычный ретроград, как всегда бывает, тупой и бескомпромиссный.

– Но с чего это он взял, что постмодернизм – это именно то, что вы только что назвали?

– В каком смысле? – Внимательно уставился мой друг на писателя.

– Ну, просто сцены насилия, – уточняет писатель, – неприкрытая жестокость, физиология, нецензурная лексика – чаще всего отличительные черты натурализма. А постмодернизм – это течение, в основе которого лежит скептическое заключение, что ни в философии, ни в религии, ни в искусстве нельзя создать ничего принципиально нового, из чего следует, что

любое современное произведение можно воспринимать лишь как цитирование уже сложившихся истин из мирового художественного пространства и опыта.

– Но... – протяжно произносит мой друг, собираясь с мыслями. – Вы, я надеюсь, согласны с тем, что постмодернизм в наше время уже нечто большее, чем скепсис?

– Ну-у, возможно, – подумав, отвечает писатель.

– Во-от! – обрадованный тем, что с его мнением согласны, мой друг с энтузиазмом продолжает: – Поэтому в моём восприятии постмодернизм имеет вид паноптикума, в который стихийно, как в чёрную дыру, засосало многие из уже существовавших направлений. В моём представлении: постмодернизм – это направление, которое даёт человеку абсолютную свободу самовыражения, если можно так выразиться, следующая ступень эволюции натурализма, свободная от предрассудков и тисков общественного мнения.

– Или, проще говоря, крайний субъективизм? – произносит писатель.

– Почему субъективизм? Разве писатель или кто бы то ни было не может абстрагироваться от своих оценок и просто описать то, что есть. Но в той манере, которую он самолично изберёт. Наверное, в том и постулат усовершенствованного постмодернизма и его принцип: отсутствие канонов.

– В таком случае, у каждого постмодернизм свой.

– Почему бы и нет? Ведь есть же сугубо изолированные личностные понятия, смысл которых зависит от того, в отношении кого они употреблены.

– Как экзистенция, – кивает писатель.

– Вот именно. – Мой друг отпивает ещё чуть-чуть кофе. – На чём это остановился?

– Ты говорил что-то о традициях, – напоминаю я.

– Ах да! Ну так вот: пусть эти брызжущие слюной изжитки прошлого – я говорю о тех, кстати сказать, ретроградах – продолжают безнадежно проклинать неминуемо надвигающийся прогресс, чьи жернова размолотят в пыль всех тех умников, лицемерных, озлобленных, мнительных и мнимо добропорядочных трусов, святош, которые везде пытаются усмотреть оскорбление их пуританским вкусом. Уверен, и в уборную ходят они, чтоб испражниться не тем, чем нормальные люди, а чистым светом. Да и блюют они наверняка радугой! Фанаты традиции, какой бы кошмарной и абсурдной она ни была, – это всезнающие снобы, гнусно и мерзостно хихикающие при чём-то обсуждении тем интима и межполовых отношений, подобно хихикающим подросткам, впервые дорвавшимся до порносайта. Такие защитники традиций – это потомки инквизиторов. Сейчас они душат искусство и всё новое в ранних зачатках, дабы оно не расплодилось и не сместило закоренелое и уже подгнивающее старое, то есть непосредственно их самих. А раньше – эти дебилы, обсирающиеся от зависти, душили еретиков.

– Но что самое отвратительное и неприятное, – не унимается мой друг, – так это людское лицемерие. Меня постоянно бесят эти фригидные суки – к слову о святошах, – обращается он ко мне, – которых ты ко мне периодически водишь! Мне хочется им плюнуть в их поганые, наглые, обрыдлые хари, когда они пытаются навязать моим актрисам свою ёбнутую мораль. Откуда они к чёрту знают, как надо?! А? Откуда они, эти обделённые в сексе курицы, набрались мозгов, чтоб поучать моих девочек? Я понимаю, что это всего лишь банальная зависть и что я должен быть умней и выше всей этой херни, но, знаете, – поворачивается он к писателю, который внимательно слушает эмоциональную речь моего друга, – просто обидно как-то, что ли... Обидно, когда эти сорокалетние тётки с опухшими пальцами, воняющие своими блевотными духами с приторным цветочным ароматом, огульно порицают мою работу, моих коллег, обвиняют нас в безнравственности, актрис называют бесстыжими шлюхами, а в то же самое время, уже будучи у себя дома, конечно же, скрывшись от детей, уверен, дрочат по ночам в ванной, начитавшись женских романов, и ссутся от вида моих парней-актёров.

Мой друг говорит, что он убеждался в безграничности людской тупости трижды: в первый раз, когда миллионная толпа дегенератов начала скупать книги Дэна Брауна, насмотрев-

шись в вечерних новостях репортажей о том, что Ватикан якобы воспротивился публикации «Кода да Винчи» из-за каких-то там обличающих церковь штук, которых там ни к чёрту нет! Эти жрущие чипсы и колу обыватели даже не в состоянии понять, что, если бы в «Коде» было что-то, угрожающее подспудному авторитету Папы, книги бы не было никогда. Брауна бы тайно убила, расчленила и закопала где-нибудь на девятой широте кучка полудурков, считающих себя неотамплиерами, и затем в публику вывела бы двойника Брауна, но никак не раздувала бы целую рекламную кампанию, бесплатно, к тому же, в пользу этой шарлатанской бездарщины о теории заговора.

Второй раз был во время повального ажиотажа на продукцию «Apple». Опять же эти *жрущие, жующие, хрустящие* мещане поверили в сказку о многокилометровых очередях, в которых люди стояли-де сутками, дабы одними из первых заполучить какую-то новую пластмассовую фигню от трендового производителя, поверили, не понимая при этом одной простой вещи, что все эти очереди – не больше, чем очередной промоушен, спонсируемый самим «Apple». Поверили и помчались скупать эту электронщину.

Но однажды, говорит мой друг, он окончательно удостоверился в тупости и никчёмности вкусов и интересов публики. Публики, кстати сказать женской. И как оказалось, во всех отношениях лживой.

– Я сейчас имею в виду то время, когда вышла эта блядская книга «50 оттенков серого», наделавшая шума, который был абсолютно, опять же, оплачен агентами этой латентной потаскухи Эл Джеймс. Ещё бóльшие потаскухи те, кто с пеной у рта вопил, доказывая, что книга эта якобы шедевр смелости и достоверности. Прямо неонатурализм! Меня, правда, кое-что и позабавило, я говорю о задней стороне обложки, собственно, это единственное, что стоит читать в книге. Там были десятидолларовые отзывы от различных критиков и изданий, понятное дело, все чуть ли не оргазмирующие от восторга от книги. Но что самое интересное и что, повторюсь, единственное заслуживает внимания, так это фраза, сказанная будто бы анонимной читательницей на форуме поклонников романа. Там говорилось, что признаться в том, что ты смотришь порно – стыдно; а сказать, что ты читаешь «50 оттенков» – это даже почётно. Поняли, в чём соль?! Порно может быть почётным, но если облачено оно в красивую обёртку, а в данном случае обложку. Представляете себе уровень этого лицемерия? То есть смотреть порно – это дело извращенцев и скабрёзных рукоблудов, а читать, значит, – дело охеренных интеллектуалов. Но не думайте, – уточняет мой друг, – что я противник эротики в книгах – я противник *плохих* книг, где эротика является излишней и пошлой, где эротика бессовестно эксплуатируется. Я так же отношусь и ко многим видеороликам, которые, кстати, и дискредитируют эротику неумелой постановкой и дилетантством, даже, наверное, извращением. Короче, коммерция.

Хотя о каком интеллекте может идти речь, если до сих пор великое множество людей уверует в экстрасенсов, знахарей и гадалок! И я уже не говорю о том, что многотысячную публику сейчас просто невозможно переубедить в том, что телевизионные ток-шоу – сугубая постановка с актёрами и заранее оговорённым сценарием.

Своей трилогией Джеймс лишь подтвердила правдивость легенды о том, что нашим благовоспитанным эмансипированным дамочкам порой сильно не хватает знатной дральни.

Возвращаясь к главной теме, он продолжает свою мысль:

– Теперь понимаете, – обращается он к писателю, – что не за горами то время, когда порно станет элитарным искусством, и *уже тогда* – и только тогда – постмодернизм достигнет своего пика.

Раньше святое и непристойное было тождественно, говорит он. Это потом, по прошествии лет, люди извратили суть любви до степени запрета. И, наверное, писатели и режиссёры, фон-триеры и джеймсы, не виноваты в том, что толпа повелась на их гнилую приманку. Виновата сама толпа, для которой слова «вагина» и «пенис» приобрели одновременно характер табу

и характер сакральной мантры, от которой их и прёт и от которой они краснеют. Одновременно стыдятся и льнут... А рекламщики пользуются этим противоречием.

Эти тёти и дяди, потомки пуритан, – они хотят, чтобы искусство стало сахарным, до блевоты приторным, стерильным. Хотят вогнать искусство в жёсткие рамки, не разумея, что позиция постмодернизма, непререкаемой стилистики XXI века, и заключается в отсутствии каких бы то ни было рамок. Ограничение там одно – и то условное: фантазия того, кто этот постмодернизм делает: писатели, живописцы, кинематографисты и прочие.

Искусство перестало сеять светлое, доброе, вечное. Теперь оно сеет мрачное, озлобленное и неискоренимое.

Всё то, что копилось в людях на протяжении тысячелетий.

Постмодернизм – это плотина – нет – это поток, который эту плотину запретов прорвал, поток накипевшего злословия, поток горячей пены, кипятка, который подогревался многие годы, пока всё то, что нагнеталось и развивалось тайно внутри у сотен, не выхлестнулось в виде нынешнего искусства, смелого, безбашенного и истеричного. Шокирующего.

Мой друг смотрит, как девушка-актриса ту же затягивает пояс махрового белого халата и идёт пить чай с оператором. Провожая её взглядом до импровизированной кухни, он говорит:

– Эти горе-проповедники, что ратуют за то, чтобы наконец отговорить этих девушек участвовать в съёмках эротики, просто не могут понять, наверное, не зная сути проблемы, что им, девушкам, очень сложно найти иную работу, если они уже хотя бы один раз поучаствовали в *таком*. Я ни в коем случае не призываю молодых девочек участвовать в этом гадючнике, подругому и не назвать всё это свинство. Наше дело требует самоотречения от актёров и самопожертвования. И в первую очередь, конечно, от девушек. Она (он кивает в сторону той девушки-актрисы) попала сюда случайно. В своё время её изнасиловали шестеро человек, сняли всё это на видео и выложили в интернет. Она заявила на них в полицию – благо, что у неё не случилось стокгольмского синдрома. Их осудили. Видео, конечно, попытались удалить, но за то время, что длился процесс, видео успело перекочевать в сотни и тысячи компьютеров. Ролик разнёсся по множеству сомнительных сайтов. Один кошмар, вроде как, закончился. Очередной только начинался. На каждом новом месте, куда бы она ни устраивалась работать, находилась хотя бы один задрот, прознавший об этом тридцатиминутном видео, где над этой бедной девочкой (он глядит на неё, не моргая; смотрит, как она небольшими глотками попивает чай из маленькой белой чашечки и беседует с оператором) издевались шестеро пьяных выродков. Когда же она пришла к нам на кастинг, то сразу показала нам это видео. С тех пор мы и работаем вместе. Она мне как-то призналась, что только здесь ей уютно; что только здесь её уважают, что бы с ней ни делали во время съёмок, а не глумятся за спиной или в открытую не ржут ей в лицо, что якобы видели, как на неё мочились шестеро мужиков. Жаль, что она уже не сможет никогда иметь детей. И даже не потому, что в тот вечер эти сучьи черти ей всё там раскурочили, а потому, что просто как-то неправильно, когда твой ребёнок может увидеть тебя в таком виде. Теперь-то от него это не скрыть... Хотя, конечно, находятся и такие, кто решается забеременеть и родить, а потом честно воспитывают своё чадо, понятное дело, бросив сниматься. И я их нисколько не осуждаю. Моя работа как-то выедаёт этот порок – осуждение ближних...

В перерыве, когда мы пошли с моим другом в туалет, оставив писателя переваривать всё то, что он уже увидел и услышал, ополаскивая руки и глядя на моего друга-порнографа в зеркало, я спрашиваю его, какого чёрта он сегодня такой общительный? Ведь писатели здесь не впервые.

А он отвечает, что писатели, может, и не впервые, но впервые писатель, который не пялится, пуская слюни, на голую актрису и не пытается как можно внимательней рассмотреть её промежность, а смотрит, хоть и с интересом, но и с мыслью о том, как можно этот фрагмент чужого сношения обыграть у себя в книге. Вот и отличие, говорит он, закрывая кран и вытирая руки бумажным полотенцем. Хотя меня он нисколько не убедил.

– Я же поглядывал на него, пока играла музыка и шла сцена.

Сначала, продолжает он, мне просто хотелось поговорить, вот я и начал. А потом уже как-то вошёл в раж, увидев его (писателя) интерес. Вот и всё (пожал он плечами).

– Вот поэтому мне и хотелось сказать что-то умное. Я давно подумывал кому-нибудь выдать свои соображения по поводу всего того, чем я занимаюсь. К тому же сейчас есть шанс, что часть моих мыслей может появиться в, быть может, достойной книге. Разве это плохо? – говорит он мне, в то время как мы выходим из уборной.

Когда начинают снимать очередную сцену, мой друг, сидя с нами – мной и писателем – на диване, говорит, что лучший способ разрекламировать книгу – это написать на обложке 18+, а лучше, 21+; затем разрезвонить по телеку, что книга эта якобы запрещена Ватиканом, православием, исламом и прочими конфессиями из-за, как будто бы, чрезвычайного растлительного и крамольного характера. И вот тогда-то будет повальный ажиотаж. Многим придуркам захочется узнать, какие же извращения и разоблачения там описаны, что повлекли такие запреты? В этом и весь секрет. У людей нездоровый интерес ко всему скрытому, мерзопакостному и отвратному. Но что самое интересное: постмодернизм и зиждется на этой аморальности. Хотя, если честно, любой натурализм и любая правда – порочны по определению, потому что так или иначе имеют отношение к человеку.

А так как постмодернизм и гонзо-китч, зубастый экзистенциализм, – практически неотделимы друг от друга, то и неудивительно, что современное искусство считают безнравственным и постыдным, ведь все мы в глубине души – аморальные твари.

Мой друг занимает своё место на складном стульчике рядом с одним из операторов, а я спрашиваю у писателя, каковы его впечатления от экскурсии?

Пока парень-актёр водит своим языком по увлажнившимся нежно-малиновым складкам влагалища девушки-актрисы, а та томно постанывает, писатель отвечает, что очень интересно быть участником того, что было для тебя на протяжении многих лет областью домыслия. Он говорит, что единственного порнографа, которого он знал до сих пор, и то – понаслышке, зовут Пьером Вудманом.

Кивая, я говорю, что знаю этого режиссёра.

Сейчас в ангаре не бушует музыка (парень-актёр набесился), поэтому писатель и я не напрягаем голоса, чтобы слышать друг друга.

– Но сами знаете, – говорит писатель. – Пьер Вудман – своеобразный человек, противоречивый.

Я говорю, что все, кто так или иначе заняты в секс-индустрии, противоречивые личности.

– Да, вы правы. Но, наверное, именно поэтому то и удивительно, что... ммм... люди, задействованные в таком *своеобразном* жанре, так умеют мыслить. Я имею в виду вашего друга.

Я отвечаю, что не стоит верить всему тому, что сейчас наплёл мой друг; к тому же соглашаться с ним или спорить; во многом он и сам сомневается, и поэтому часто может придерживаться абсолютно противоположных взглядов, часто их менять, а нередко и вовсе в них путаться; просто до сих пор ему не удалось обнаружить во всём собрании мировых идей ту, ему наиболее близкую; в том и причина всех его заскоков и путаницы, нагромождения. А что касается мышления и ограниченности, то это – лишь предрассудки. Человеку ничто не мешает быть культурным и образованным.

– Да, вы снова правы, – говорит мне писатель. – Это всего лишь предрассудки. Возможно, стереотипы, которые являются неотъемлемыми в случае с порнографией, так и будут очернять и актёров, и прочих, кто участвует в производстве этой продукции.

Я отвечаю, что если показать прохожим людям на улице фото актрисы или актёра фильмов для взрослых, не говоря при этом об их занятии, то люди ведь охарактеризуют этих актрис и актёров вполне себе положительно. Неадекватно они отнесутся к ним лишь в том случае, если заранее объявить им о профессии тех, кто изображён на снимках.

– Дело психологии. Суть в стереотипе модели поведения.

Да, соглашаюсь я, суть именно в этом, хотя, быть может, у психологов это как-то называется по-другому, но смысл понятен и без этого.

Писатель говорит, что это называется «атрибуцией».

«Ну и хрен с ним, как это называется!» – хочется мне ответить, но я говорю совсем иное:

– У людей сложилось мнение о порнографии как о чём-то настолько вульгарном и запретном, кощунственным, что все эти оценки прилипли и к людям.

Сейчас великим злом у старшего поколения принято считать интернет и всё, что с ним связано. В их сознании порно и интернет неотделимы, как, собственно, и социальные сети. Интернет представляется им кошмарным и въедливым спрутом, развращающим молодежь, хотя, как мне кажется, интернет в наше с вами время стал исключительной и незаурядной ипостасью естественного отбора. Слабые звенья эволюции – ничтожества и тупицы – он безжалостно морально уничтожает – других же, наоборот, и морально, и интеллектуально развивает. И зря говорят, что естественный отбор в новейшее время сдох под натиском светского гуманизма. Он всё равно как-нибудь, да просочится в нашу жизнь.

– Мне было бы ещё интересно узнать – помолчав, произносит писатель, – что поспособствовало вашему другу в выборе такой профессии?

– Он, – говорю я подумав, – сначала планировал стать криминалистом. А путь, по которому ему действительно стоит идти, как он тогда рассудил, обнаружил во время изучения им одного раздела в учебнике по криминалистике. Раздел назывался «Сексуальные преступления» или «Преступления на сексуальной почве». Помните, он как-то сказал, что людей неумолимо привлекает всё самое мерзопакостное?

Писатель, глядя на меня, кивнул.

– Он не исключение. Так вот, – продолжаю я, одновременно с тем как на кровати девушка уселась верхом на парня лицом к нему, без остатка вобрав в себя его пенис, и начала медленно двигаться вверх-вниз, расширяя своё гениально задуманное природой отверстие, чтобы половой член партнёра свободнее помещался в нём. Камера крупно снимала гениталии обоих партнёров, подтянутую попку девушки и её чуть приоткрывшийся, безукоризненно выбритый, розовый анальный проход, – более всего, что привлекло его внимание в разделе сексуальных преступлений, как он мне говорил, был параграф об экскрементофилии. Он мне рассказывал, цитируя учебник, что «экскрементофилия (пикацизм) – сексуальная девиация, сочетание мазохизма и фетишизма, при котором роль фетишизируемого предмета играют выделения человеческого организма, к числу которых относятся моча, кал, пот, сперма, менструальные выделения, слюна. Некоторые специалисты считают пикацизм заместительной или переходной формой к некрофилии». Не удивляйтесь, что я всё это запомнил – просто он часто любил цитировать выдержки из учебников. Да и сейчас этим грешит. Ещё он мне говорил, что плевание в рот партнёру по его инициативе называется саливафилией, а обнюхивание и лизание потного тела: подмышек, промежности, ануса, ступней и пальцев ног, то есть фут-фетишизм, – поднимаю я руку с оттопыренным указательным пальцем, уточняя, – называется гигрофилия; а различные действия с калом – это копрофилия. Некоторые доходят до того, что поедают экскременты, свои и чужие. Это уже называется копрофагией.

В общем, первые наши с ним беседы, – говорю я, – проходили именно так: он мне бесконечно рассказывал обо всём этом.

– А как вы с ним познакомились? – спрашивает писатель.

– Мы тогда с ним учились в одном университете. Он – на юридическом факультете, специальность – следователь-криминалист, я – на факультете журналистики. И как-то довелось мне подготовить доклад на тему порнографии XXI. Это я сейчас понимаю, что *такое* в учебном заведении представлять не очень допустимо, но в то время я зачитывался книгами Хантера Томпсона и Уильяма Берроуза и считал, что именно моих идиотских журналистских матери-

алов и не хватает миру для полного счастья. Тогда я не понимал, что разъярённость в речи и полное невоздержанность в словах, да и вообще невоздержанность в чём-либо простительна и даже приветствуема только в случае с уже известными писателями. И порой посмертно. Но эта привилегия была не для меня. Поэтому единственное, что тогда сказал мне преподаватель, после того как я прочёл перед всей аудиторией мой гонзо-опус о порнухе и расширении сознания, это: «Вам нужно познакомиться с одним студентом с юридического – вы найдёте с ним общие темы». Так, собственно, мы и познакомились. Посредством моего преподавателя, который мне потом, уже после занятий, рассказал, что тот, о ком он говорил, давеча представил на своём факультете курсовую работу на тему «Сексуальные извращения и девиация как один из своеобразных путей развития культуры», где наглядно представил на слайдах и видео-роликах, что он, собственно, имеет в виду: его доклад сопровождался порно-нарезками с мужскими оргазмами, когда сперма извергалась на по виду кайфующих от этого всего партнёрш и всё прочее тому подобное. Мой будущий друг из-за этого выступления прославился на весь университет как первый и единственный, решившийся использовать порнуху в качестве материала для реферата. Кстати сказать, ему тогда поставили зачёт.

Затем на одном из привилегированных сайтов для любителей клубнички, где членство стоило порядка пятисот долларов, он списался с одним порнографом, и, собственно, с того времени мой друг и начал этим промышлять. Сначала, как вы, просто присутствовал на съёмках. Потом и сам начал снимать и ставить.

– А вы сейчас чем занимаетесь? – спрашивает писатель. – Ну, кроме того, что устраиваете такие экскурсии? – уточняет он.

А я отвечаю, что порой принимаю заказы от газет и журналов, порой, сайтов, пишу заметки и аналитику за приличные гонорары под псевдонимом, который у многих на слуху.

– В общем иногда для собственного уже интереса, для души, так сказать, становлюсь журналистом-фрилансером.

– А сейчас что-нибудь пишете? – не унимается писатель.

Я же отвечаю, что сейчас пока не принимаю заказы по личным обстоятельствам. Поняв по моей интонации, что об этом я более не намерен распространяться, писатель на время умолкает, принимаясь смотреть на то, как парень-актёр убажывает свою партнёршу посредством пальцев рук.

Она лежит перед ним с широко разведенными ногами, опершись на локти, смотрит на него с надеждой в глазах и обожанием, а он, на коленях, обильно облизывает средний и безымянный пальцы правой руки и медленно вводит их в раскрытое лоно девушки; левую же ладонь он кладёт на её безукоризненно проэпилированный лобок, чуть на него надавив, и начинает – сначала медленно, затем всё быстрее – двигать правой ладонью внутри влажного и тёплого влагалища вверх-вниз, вверх-вниз, отчего девушка-актриса непритворно стонет, срываясь на короткие вскрики; её напряжённые бёдра и ягодицы вздрагивают, мышцы влагалища по мере нарастания темпа начинают многократно сокращаться, игриво сжимая пальцы её наречённого возлюбленного. Она прерывисто дышит, ощущая внутри себя нахлынувший прилив эстрогеновых соков, готовых уже буквально через секунду из неё извергнуться, как из гейзера. Но внезапно парень останавливается, вынимает из безропотной партнёрши пальцы и начинает медленно массировать её внутренние, розово-малиновые, мокрые интимные губы. Она дышит, дышит, тяжело и надрывно, её нижняя челюсть трясётся; она, уже всем телом дрожащая, сонно смотрит на ласкающего её между ног мужчину, призывая того этим разнеженным взглядом утомлённой блудницы довести её уже до оргазма и оставить в покое, довольную и униженную.

Четыре камеры – одна отвечает за ракурс сверху – одновременно снимают то, как актёр, прервав массажную ласку её, актрисы, гениталий, мгновенно, грубо вводит в них те же пальцы и ещё быстрее принимается терзать разгоряченное желанием отверстие девушки. Та кричит, стонет, прыскает слюной и скалится, извивается и судорожно дёргает ногами, пока наконец её

таз не выгибается резко вверх, а из уретры не выпрыскивается половая смазка одним обильным выплеском...

Девушка без сил падает на мокрую от собственного пота и эякулята постель. А её партнёр, не теряя ни секунды, набрасывается на неё сверху и начинает очередной акт её сексуального терзания.

– Н-да, как бы люди ни противились этому, но вся жизнь сосредоточена на сношении одного с другим, – говорит мне писатель. – И дело даже не в том, что секс – предтеча новой жизни. Хотя... в первую очередь дело именно в этом.

Улыбаясь, я добавляю:

– Однако многие отрещиваются от того, что стремление к размножению принято называть основным инстинктом.

– Это уже честолюбие, – отвечает писатель, – и чертовски возросшее самомнение. Люди, что смехотворно, причисляют себя к разумным и высокоразвитым существам. Им немыслим тот факт, что многое у нас до сих пор случается на основе инстинктов, произвольно и попросту рефлекторно. Им хочется думать, что все их поступки и все их дела происходят от разума. Этим умникам ещё и невдомёк, что, очень возможно, они-то и не являются как раз таки теми самыми высокоразвитыми существами. Они, может, и сведущи в том, что Земля – это шар, а некоторые даже превосходили первых, имея представление о том, что Земля плюс к тому – эллиптическая. Но как бы то ни было, велико количество прогрессирующих деградантов.

Пока мы рассуждали о том, насколько тупы ближние наши, тем самым воспевая осанну умам друг друга, актёры успели поменять позу своих игрищ.

– Мне единственно интересно то, – продолжает писатель, – что, покуда люди адекватно относились к половым отношениям – понятное дело, имея, конечно же, и свою долю предрассудков и, как нам сейчас кажется, уйму глупостей – эти половые отношения не были чем-то запретным, а их упоминание кощунственным и априори пошлым. Всё-таки как современным людям не хватает адекватности.

– Как-то, палясь в телевизор – говорю я, – я наткнулся на репортаж о том, что какой-то священник взъерепенился по поводу того, что в школьном экзамене по биологии присутствовал вопрос о женских гениталиях, где ответом было слово «клитор». Он требовал исключить это задание из общего перечня. Вот ведь до чего доходит человеческая глупость. Дай им волю...

– Всяким придурым? – ёрничает писатель.

– Да-да, им. Так вот: дай им волю, они всё человеческое население бы принудили к стерилизации. Хотя это бред. Священники первыми бы встали грудью за своё хозяйство, только бы их не лишали этой их тайной радости. Во все века и всякое время эти монахи да послушники были ещё теми распутниками и не брезговали даже мужеложством.

– Да что уж гомосексуализм. Это ещё не самое находчивое, что копошилось в их лысых макушках.

– Ты о зоофилии? (Писатель кивает в знак согласия) Прости, что на «ты», просто так сподручней.

– Хотя здесь дело даже и не в *теофилах*, – балуется писатель неологизмами. – Мне кажется, что разврат и всё с ним связанное, в общем – девиация, – говорит он, – не что иное, как просто обыденная потребность человека. Или, лучше, человечества.

– Н-да, и во всякое время эта тема будет самой востребованной и вызывающей наибольший интерес, – отвечаю я. – Собственно, на то инстинкт и основной.

– Хм, если уж говорить об извращениях, то всё, что не является репродуктивным спариванием, можно назвать извращением. А секс в презервативе и мужское онанирование так и вовсе массовое детоубийство, и нелогичное, антисоциальное и антидемографическое расходование биологического материала.

Мы здорово посмеялись над этой шуткой. Затем писатель продолжил:

– К тому же, разврат – это относительное понятие. Каждый по-своему определяет, что для него есть извращение. И, как правило, это определение зависит от степени закомплексованности какого-либо из людей и уровня развитости в них предрассудков и ханжества. В общем, оценка чьей-либо нравственности – это, в первую очередь, и единственно, наверное, должно быть определение степени образованности. Если человек ограничен и односторонен, то и нравственности взяться неоткуда. Некоторые и роман Набокова «Лолита» считают верхом распутства. И мне поэтому интересно: что те самые неженки сказали бы о романах Чака Паланика или Рю Мураками?

Я киваю, приговаривая «Да-да-да...», и улыбаюсь, довольный тем, что нахожусь в курсе того, о чём он рассуждает.

– Томас Манн как-то сказал, что французская литература – литература великая, русская же литература – святая. Однако ж если вчитаться в биографии некоторых русских писателей, то возникает чувство, что листаешь какую-то коллекцию сексуальных расстройств. Например, Ивана Тургенева жениться и потерять девственность заставила мать, которая, кстати сказать, присутствовала при этом, не оставляя сына с невестой наедине до тех пор, пока не убедилась в том, что невестка её уже больше не является девушкой. Но это плохой пример, потому что в то время на деревне многие родители так делали. В первую брачную ночь молодожёнов порой присутствовали целые делегации родственников-вуайеристов. Оттуда и пошла русская поговорка «держат свечку». Этим идиотам было интересно буквально всё. В своей мании к обычаям они только девушке промежность не осматривали, а вот простыни на наличие крови всё-таки проверяли. И чрезвычайно тщательно.

Отец Достоевского, – продолжает писатель, – дворянин, устраивал в своём доме целые кровавые оргии с участием деревенских девушек, многие из которых были несовершеннолетними. (Кстати, помер он от рук собственных же взбунтовавшихся крестьян.)

Хотя совершеннолетие – понятие опять же относительное. В разные времена на это смотрели по-разному. Когда-то и двенадцатилетние уже были жёнами и мужьями. Да и до сих пор это есть в традициях некоторых народностей.

Ну так вот. Продолжу: Марина Цветаева в своих дневниках писала, что сексуально ублажала свою начальницу, чтоб та её не уволила с работы (правда, не припомню сейчас, на какой должности тогда была поэтесса). Плюс к тому: Цветаева – опять же дневники – настолько любила своего единственного сына, что первой женщиной его была *она сама*.

– Что?

– Да, – обрадованный тем, что смог произвести на меня впечатление, писатель кивает в знак согласия, – она неоднократно имела с ним интимную связь.

– И это всё в её дневниках? Ха, прям Мопассан!

– То-то и удивительно, что она сама об этом писала, зная притом, что её рукописи, определённо, когда-нибудь, да станут достоянием общественности. Хоть её дневники и были долгое время закрыты в спецхранах СССР, в 90-х же многое из литературного богатства России обрело свободу: Солженицын, Пастернак, Булгаков. На свет вышли не только их художественные произведения, но и множество записных книжек, в числе которых и были эти скандальные дневники Цветаевой, которые, кстати, впоследствии прошли сильную цензуру, поскольку вся та грязь и чернуха, которую описывает Цветаева, плохо вяжутся с романтическим образом женщины-поэта.

– Н-да, порой сложно понять мотивы многих человеческих поступков.

– Да, это довольно странно, что она, зная о возможности огласки, всё же описывала всё до непотребства, сильно её очерняющее, но тому есть довольно-таки простое объяснение.

– И какое же? – Мне стало весьма интересно это узнать.

– Если человек в своём миропонимании достиг уровня подтверждения уайльдовского афоризма: «Человек начинает себя судить только тогда, когда другие уже не имеют на это никакого права», – он воспринимает свои поступки уже не со стороны морали и нравственности, не со стороны правильности и объективности, а сугубо субъективно, что позволяет ему посмотреть на всё своё прошлое как на некое достояние и предмет гордости. Особенно это касается всего самого неприглядного. Своего рода вызов общественности. Протест. На это способны только две категории людей: полные тупицы, всегда в себе уверенные, согласно классику, и талантливые сверхличности, превзошедшие своё время или, лучше, его окрасившие. К последним Цветаева и относилась, к тем, кто по-настоящему, здраво ощущает собственную значимость и исключительную цену в этом мире. Поэтому-то, испытывая чувство превосходства над большинством из тогда живших людей, она и не стеснялась полностью пред ними раскрыться, потому что их понятие об этике не являлось сколь-нибудь значимым для поэтессы. Она и только она была последней инстанцией в суждении о своих поступках и всей своей жизни. С той же целью, хоть, наверно, иногда и полностью не осознаваемой, многие известные люди пишут автобиографии.

– Покичиться?

– Можно и так сказать. К тому же описать что-то куда более легко, чем это же просто устно высказать.

– Хочешь сказать, те же мотивы были и у Саши Грей, когда она выпускала автобиографию?

– Ну... вот здесь можно ещё и сослаться на маркетинговый прогноз успеха, потому что Саша Грей – личность культовая. И культовая уже не только в кругах знатоков порнографии, но и во многих других. К тому же здесь большая разница между дневниками Цветаевой и биографией порно-дивы, потому что первая писала сама, а в команде второй десятки пиарщиков и литературных негров. К тому же лесбийские и эдиповские моменты в биографии поэтессы – это пикантная деталь, которая совсем по-другому заставляет посмотреть на жизнь писательницы. А то, что Саша Грей занималась всем этим, ещё и большим и похлеще, всё это уже никак не стимулирует интерес публики, потому что это и так ясно и всем известно. И все это видели.

– Так и что тогда?

– Как мне думается, здесь присутствует один мотив, чья природа схожа с природой стокгольмского синдрома, когда жертва изнасилования начинает испытывать симпатию и влечение к своему истязателю. И если в этом случае причина может быть в психическом расстройстве, чьи корни могут исходить из детства, когда девочка или мальчик, в общем, ребёнок, не получая должного внимания и любви со стороны родителей, был вынужден воспринимать грубое с собой отношение мамы и папы или кого-то из них как проявление как раз таки этой самой дефицитной заботы, то в случае с Сашей Грей особых ответвлений в сторону сексопатологий нет. Здесь всё дело в теории когнитивного диссонанса, когда для собственного удобства и душевного спокойствия человек, будучи мучим психологическим конфликтом двух установок, избирает одну-единственную – почти всегда необъективно – для себя наиболее выгодную. Короче, либо отрицает раздражитель, либо по основаниям этого раздражителя пересматривает свои взгляды, что бывает чрезвычайно редко.

– Прости, но я мало что понял из этого, – говорю я. – Книжки по психологии я практически не читал.

– Вот в чём суть, – отвечает писатель, – например, всё та же жертва изнасилования. – Он делает акцент на этой фразе. – В детстве она, жертва, всё никак не могла понять, почему же родители или кто-то из них по отдельности не уделял ей, этой жертве, должного внимания и заботы, которые в обилие получали другие дети. В сознании её возникал чрезвычайно сильный конфликт, или когнитивный диссонанс: с одной стороны эта любовь быть должна; с другой же – этой самой любви нет. Поэтому-то, дабы прийти в нормальное состояние, психика избирает

путь наименьшего сопротивления, так сказать, защитный механизм, посредством которого, сочиняя для себя утешительную, оправдательную легенду, человек успокаивается и уже не чувствует в себе противоречий. В данном случае, ребёнок внушает себе, и довольно успешно, что равнодушие родителей или даже их жестокость – это лишь их своеобразная манера проявлять любовь к своим детям и опеку над ними. И тем самым ребёнок ещё больше к ним, своим родителям, привязывается, всячески их оправдывая в любых их недостатках. Когда же по истечении времени, уже став взрослым, человек подвергается сексуальному насилию, то, подобно собаке Павлова, он рефлекторно начинает испытывать привязанность к своему истязателю, как когда-то стал испытывать привязанность к жестоким и равнодушным родителям. Это-то и есть стокгольмский синдром.

Ещё жертва, также испытывая неудержимую тягу к душевному спокойствию, может внушить себе, что была того вполне достойна, достойна тех действий, что над ней произвели. Человек внушает себе, что заслуживал того к себе скотского отношения, и тем самым в нём развивается синдром вечной жертвы. Такой человек становится неисправимым неудачником, который перестаёт вообще за что-то бороться, априори считая себя проигравшим и смиряясь с этим априорным проигрышем. Таким образом, ему сподручней чахнуть, киснуть и прозябать, ничего уже не предпринимая и не делая.

Иной характер теория когнитивного диссонанса приобретает, когда она направлена в сторону истязателей. Так или иначе, человек хочет быть положительным персонажем в своём себе представлении, то есть быть правым, поэтому, дабы придерживаться данной концепции, совершая над кем-то несправедливые, жестокие и подчас просто-таки мерзостные действия, человек всячески пытается унижить жертву в своих глазах, очернить, сделать её наиболее негативной и неприглядной, чтобы те, над ней совершённые деяния, уже не казались такими уж кощунственными и возмутительными.

– То есть внушить себе, что жертва сама виновата, что ты над ней издевался, так?

– Ну, да.

– Интересно. Получается выдающийся позор Саши Грей, претерпев в её сознании такие психологические метаморфозы, стал просто-таки выдающимся подвигом! – констатирую я неожиданно открывшийся факт.

– Ну... в каком-то смысле, да. На этом её пиарщики и хотят сыграть.

– На этой смелости, – подхватываю я мысли писателя.

– На смелости и плюс к тому: они хотят, чтобы бесчестье порнозвезды превратилось в объект её гордости не только в представлении самой Саши, но и стало неопровержимым фактом в умах публики.

– Да-а... – продолжаю я рассуждать, – и пропаганда толерантности им в этом здорово поможет: в смене полюсов.

– Всё к тому и движется, – соглашается со мной писатель. – Хотя мне от этого даже как-то радостно. Раньше занятие проституцией, а уж тем более съёмки в порно, – всё это ставило крест на будущем множества девушек и женщин.

– Ну да, – улыбаясь, говорю я, – мужчинам как-то respectable заниматься и проституцией и актёрствовать в порно-съёмках. В последнем они просто ловят кайф, зарабатывая при этом ещё и неплохие деньги; а в первом ещё и совершают богоугодное дело: убаживают несчастных дам.

– Ну так вот, продолжу: теперь же то и хорошо, что человек обрёл право начать всё сначала, получил право на выбор. И если уж говорить сейчас о христианстве, то вот он – замечательный пример всепрощения, тогда как чаще всего религия способствует укоренению в сознаниях людей жестокости, бессердечия и нетерпимости.

– Н-да, не святые, а святоши.

– Вот точно, – кивает писатель.

– Хочешь сказать, что Саша Грей – это святая блудница современности?

Мы лишь рассмеялись, правда, уверен, запомнив этот остроумный пассаж, дабы в будущем его хорошенько обдумать.

– О! – вдруг восклицает писатель, оборвав свой смех. – Я ж совсем забыл об актёре. А он как сюда попал?

– Хм, как, собственно, и большинство порно-актёров, – отвечаю я, посмеиваясь. – Он просто хотел потрахаться. Знатно, вдоволь и во всех мыслимых и немыслимых видах.

3

Ужиравшись обезболивающими, я, распластанный, расплывшись телесной лужей, лежу на кровати и смотрю в потолок. Под ласкающие звуки угрюмого электро-блюза. Во тьме. В её тёмно-синих сумерках, которые сочатся ко мне в комнату через окно, словно вездесущий сигаретный дым.

Домой меня любезно притащил мой друг. Тот, что снимает фильмы для взрослых. Здесь же он и привёл меня, облевавшегося и пускающего вонючие слюни, в сознание.

Сейчас, залипая взглядом в потолок, я вспоминаю, как присутствовал на какой-то из его съёмок, которая проводилась в просторной спальне люксового номера до безобразия дорого отеля. Я помню, как на белоснежных простынях две молоденькие девушки и один парень, освещённые обильными солнечными лучами и вдобавок софитами, придавались обоюдным ласкам.

Мне же приходилось всё это время быть в компании очередного охотника до клубничных зрелищ. Вот только теперь он не являлся исключением из правил: с буквально выпученными маньячными глазами он жадно пялился на обнаженные женские тела, сладострастно выгибающиеся от телесных удовольствий.

В то время как одна из девушек – свежая, цветущая и упругая нимфа с пышными, вьющимися, огненно-рыжими волосами на голове – делала актёру, стоя коленями пред ним на кровати, нежный минет, моментами плавно обводя набухшую малиновую головку его пениса языком, иногда твёрдо пытаюсь врезаться его кончиком в маленькое отверстие в мужском фаллосе, отчего юноша не мог сдержать своих скупых, стыдливых стонов, – в это время брюнетка, склонившись лицом практически к самым простыням, ублажала свою подружку сзади анилингусом.

Мой клиент чуть ли не до слёз восторгался происходящим, чередуя свои «ахи» и «охи» смешками и протяжным «да-а». Он во все глаза пялился на то, как рыженькая актриса до самого основания заглатывала член партнёра, одновременно с тем чувствуя меж своих ягодич горячее дыхание брюнетки и то, как та облизывает её нежно-розовый анус, порой стремясь расширить его посредством введения в него обильно смазанных слюной пальцев, чтобы затем языком пробраться внутрь и тем самым ещё больше её возбудить.

Я и мой подопечный – как всегда, последняя инстанция, окончательные судьи, находящиеся позади всех камер. Мы сидим на удобном, кожаном, белом диване в свете яркого солнца и внимаем всему, что доносится до наших глаз и ушей, до нашего обоняния, которое улавливает то, что троица этих актёров благоухает своей пикантной секрецией, обильно источаемой их эрегированными, дрожащими от возбуждения чреслами.

Мой сосед по дивану, облокотившись на колени, пытался выдаться максимально вперёд, чтоб быть лицом как можно ближе к голым актрисам, их пышным молодым грудям и набухшим соскам, сочным раскрывшимся влагалищам, дыханию, запаху исходящегося в желании женского тела, пахнущего потом и энзимами. Кажется, он даже и не моргал.

Мне же было абсолютно наплевать на то, что творилось на белой постели. Откинувшись, обессиленный, невыспавшийся, на спинку дивана, я думал лишь о том, что девушки, порноактрисы, так или иначе вынуждены быть бисексуальными. Их ориентация непререкаемо подчинена фантазиям онанирующей толпы. К тому же, уверен, этих бедных девушек прямо сейчас мучает жестокий голод, так как их желудки и кишки во время съёмок должны быть пусты во избежание неприятных казусов во время возможных анальных утех. Каждая из них, разумеется, начала этот день с клизмы. Если, конечно, мой друг не задумал снять сцену с копррой.

Развлекаясь случайными идеями, я, жёваным сухожилием, полулежал и равнодушно, даже не испытывая возбуждения и натяжения в области паха, смотрел на то, как брюнетка, увеличив темп, начала активно и остервенело вылизывать зад подруги, как послушная псина. Рыжая, временами отвлекаясь от члена парня-актёра, вынимала орган изо рта и, стимулируя его рукой, стонала, оборачиваясь назад, и кротко смотрела на подругу, которая мотала головой из стороны в сторону, помогая этими движениями уже порядком онемевшему, уставшему языку блуждать по морщинистой коже чужой задницы.

Меня тошнило. Но не от вида изощрённого секса. Меня тошнило от усталости, от желания наконец уснуть тут же под звуки чьих-то стонов. У меня невыносимо болела голова. Снова мне чудилось, будто в мои милые, уставшие от всего этого непотребства и безобразия виски врезаются два толстых ржавых болта, а лобная кость стремится отделиться от черепа, из-за того что какая-то отвратительная, осклизлая гуща пытается её выдавить изнутри. Я тяжело дышал. Часто сглатывал вязкую слюну и мокроту, чтобы усмирить рвотные позывы. Но живот продолжало скручивать, а голова не переставала мутиться, и все мысли в ней смешивались. Глаза слипались, так что иногда я видел перед собой смазанную картинку сращённых меж собой фигур телесного цвета в одну копошащуюся и стонущую, аморфную массу. Как во сне, всё в моём помутнении срасталось в чокнутую мешанину из собственных наблюдений и опытов. В этой левитации я произносил мысленно, что целование в анус пробуждает змею Кундалини, олицетворение космической силы, которая обитает в нижнем отделе человеческого позвоночника, в сексуальных железах. Пробудившись, змея открывает во лбу у человека третье око, которое способно видеть сквозь пространство и время.

И тут же проносится мгновенная мысль, что, быть может, у многих порно-актрис и актёров это сакральное око распахивается чуть ли не каждый день... и не они ли скрытые, всеми разыскиваемые адепты тайного учения Сиддхартхи?.. истинные его последователи.

Внезапно я прихожу в себя от странного чувства в животе. Моё туловище рефлекторно кидает вперёд, и из меня, как из фонтана, только зловонного и наполненного нечистотами, выплёскивается толстым потоком жёлто-оранжевая жижа. Мой сосед по дивану шарахается от меня, кидаясь ошарашено в сторону. Приступы один за другим выталкивают из меня порции полупереваренной пищи вперемешку с желчью и ещё чёрт знает чем.

Мой друг, порнограф, прерывает съёмку. И теперь вся команда и тот охающий и ахающий придурь – все они смотрят, как я нещадно забрызгиваю свои штаны и рубашку, порчу кремовый ковёр с крупным ворсом, который тут же впитывает всё, что не унимается из меня литься.

Я беспомощен. Я жалок. Я непроизвольно плачу.

По номеру разносится желчное зловоние.

Виноватым взглядом я порой оглядываю присутствующих, которые морщась от омерзения, всё же не могут оторвать от меня своих внимательных и даже где-то сочувственных взоров.

И, продолжая блевать, исторгая из себя накопившуюся внутри за долгие годы жёлтую вонючую скверну, я теряю сознание...

И сейчас мне неловко перед ними: перед моим другом, которому пришлось тащить меня, невменяемого, пускающего слюни, через весь город; неловко перед тем таксистом, который вёз нас до моего дома, ведь ему пришлось наблюдать всю эту гнусную картину человеческого существования и, к тому же, её обонять; стыдно перед актёрами и всей съёмочной группой, ведь они специализируются, как любит повторять мой драгоценный друг, на «ванильном порно», а не на японском жесточайшем извращении, когда люди вызывают посредством глубокого минета обильную рвоту и заблёвывают друг друга, голых, плачущих, униженных.

Я не помню всего того, что было, в то время как мой друг нёс мою поникшую тушу до квартиры, которую я занимаю. Не знаю, стал ли этот позор достоянием соседских пересудов или же всё обошлось тихо-мирно и коридоры были абсолютно пусты. Да мне, в сущности, и плевать на всё это. Не безразлично мне лишь то, что по приходе в квартиру мой друг не бро-

сил меня у порога, как бурдюк с протухшим фаршем, а привёл в сознание, помыл в ванной, выстирал моё грязное шмотьё. Затем напоил меня горячим сладким чаем, не забывая, что я пью с тремя ложками сахара, и просидел со мной, укутанным в большое банное полотенце, несколько чрезвычайно приятных часов, развлекая меня разговорами о нашем с ним замечательном прошлом...

И сейчас я лежу, раскинувшись, на смятой постели в одних пижамных бежевых штанах, с нерасчёсанными волосами, с невидящим взглядом; на полу валяется то самое банное полотенце; мои пятки обдаёт приятным ветерком, влетающим с улицы через открытое окно; лежу, внимаю дзенским раскатам блюза и думаю, что я люблю его, моего друга.

В полусонном состоянии я философствую о мультфильмах.

После ухода моего друга я принялся, пожеывая печенюшки и попивая очередную кружку чая, за просмотр диснеевских классических историй, которые с утра до ночи крутят на брендовом телевизионном канале. И теперь мне увлекательно думается о занятных парадоксах, связанных с каноническими персонажами этих мультиков. То, что Дональд Дак одет в моряцкую курточку, но мультипликаторами обделён штанами, – это нисколько не занимает моего внимания, как не занимает моего внимания и то, что Микки Маус и его суженая Минни – невероятных размеров мыши. Больше меня интересует тот факт, что пёс Гуфи эволюционировал в прямоходящего и законопослушного гражданина США с членораздельной речью и умением писать и читать, а Плуту, питомец той громадной, гипертрофической мыши, остался милой, но как бы то ни было – тупой, живущей в будке псиной.

Временами я задрёмываю, и недавние мысли отзываются во сне бессмысленными урывками и эхом, шаржем на логическое осмысление. Просыпаясь, я не понимаю, спал ли секунду назад. И снова проваливаюсь в забытие, так и не разобравшись в том, спал ли только что. На меня рычит собака. Хочет укусить. С оскаленной мордой прыгает на меня, пытаясь цапнуть за руку или живот, стремится выпотрошить меня, разорвать, кусками растащить по улице. Наконец ей удаётся вцепиться мне в предплечье, но я не испытываю от этого боли. Я знаю, что зубы этой проклятой шавки впились мне в мясо, я вижу, что ручьём на асфальт течёт моя кровь, но боли не чувствую. Чувствую лишь смелость. Озлобленную храбрость и ожесточённую решимость выдавить этой суке глаза, чтоб под ногтями надолго остались следы от высохших колагеновых соков, брызнувших и вытекших из злющих шаров этой паскудной твари; поднять собаку в воздух и шарахнуть её о трубу, чтобы её позвоночник сложился пополам; или просто забить камнем, проломив им черепушку этой бешеной зверюги. Но я не совершаю ни то, ни другое, ни третье...

Невзирая на то, что нещадно раздираю себе на руке шкуру и мясо, я медленно поворачиваю предплечье, стиснутое собачьими челюстями, направляя свой сжатый, пульсирующий кулак стрелой в сторону глотки дьявольской псины, и с силой втыкаю его ей в пасть. Чёрно-красная кровянистая густка из моих рваных ран. От неожиданности собака, сдавленно отхаркиваясь, выпучивает на меня свои бегающие глазки, её язык одурело сокращается взад и вперёд, дабы выгнать инородный предмет из пасти. Я продолжаю медленно проталкивать кулак всё дальше. Собачья слюна и моя кровь, смешавшись в вязкую патоку, свешивается тоненькой жилкой до самой земли. Собака дрыгается, извивается, пихает меня всеми пятью лапами. Я чувствую, как мой кулак проламывает ей стенки гортани и всё глубже входит той в глотку. Теперь уже я держу буйную собаку мёртвой хваткой, завалив ту на асфальт, примяв трясушущую от страха тушу коленом. Она озирается по сторонам, хрипит, задыхается, силится тщетно на меня зарычать, отгрыивает недавние кушанья вперемешку с кровью и пенящейся белой жижей. Я уже различаю очертания собственного кулака, выдающегося изнутри шеи собаки. И резко увожу руку, частично запрятанную в одуревшем от шока, боли и удушья животном, вниз, отчего с треском выламываю тому нижнюю челюсть. Собака ревет, визжит от боли, всё её тело сводит судорогами, моментами из неё вырывается нечто, одновре-

менно похожее на вой и гортанный ор. В этом крике я просыпаюсь. Различаю уже порядком раздражающий меня электронный блюз. На ноутбуке выключаю музыку и остаюсь в тишине (гаснет экран компьютера) и ночном сумраке. С улицы не доносится ни звука, что не может не радовать. Сонливость прошла. Голова немного беспокоит пульсирующей болью в висках. Вспоминаю психованный сон про собаку, которой я невозмутимо разорвал пасть, и думаю, насколько то достоверно отражает реальность и может ли такое произойти на самом деле? Моё внимание снова занимает недавнее рассуждение о персонажах Диснея. Теперь мне представляется в смутном свете уставшего мозга эротическая фантазия множества извращенцев конца 90-х годов XX века. Я имею в виду знаменитую милостивую Гаечку, женский персонаж мультсериала «Чип и Дейл спешат на помощь». Несмотря на то, что она была мышью, это несколько не мешало зрителям представлять её в неприличных позах, в обнажённом виде, в кружевном неглиже, сокрытом её сексапильными джинсами и рабочей рубашечкой. Почему-то у мультипликаторов студии «Disney» того времени это стало тенденцией: не важно, животные это или люди – все женские персонажи, собаки, мыши ли и уж тем более молодые девушки так и источали потоки своей сексуальности. Они были грациозны в движениях, манящи и лакомы, соблазнительны. Своим поведением они навязчиво и призывно возглашали всем вокруг грубо овладеть ими и начинить их матки миллионами сперматозоидов. И если дети ещё не сознавали своих подсознательных побуждений, сидя у телевизора, то взрослые: старшие братья, дядья и отцы – все они настороженно поглядывали на эту скрытую телевизионную пропаганду содомии. Что бы я сейчас ни вспомнил, какое бы произведение искусства не всплывало бы у меня в воображении – всё мне говорит о болезненности их создателей, об их скрытых комплексах, страхах и побуждениях, которые в дальнейшем, спустя много лет, быть может, преобразуются потомками, выросшими на этих оригиналах, в весьма гротесковые формы, гиперболизированные и преувеличенные в своём подспудном, отрицательном, неприглядном подтексте, как это было с Льюисом Кэрроллом, когда Фрейд и его ученики во всеуслышание провозгласили того латентным педофилом. Часто подтекст делает биографии писателей не менее интересными и интригующими, чем произведения этих самых литераторов...

Я буду очень рад, если карьера того писателя, которого я водил на съёмки эротики к своему другу, пойдёт в гору и он станет классиком своего времени, потому что это наверняка заставит его написать автобиографию или опубликовать свои дневники. Или, на худой конец, найдётся умелец, которому удастся виртуозно прокомментировать все самые запутанные и многослойные места в прозе того писателя. Так как мне чрезвычайно интересно узнать весь путь создания повести «Радиоприёмник», все его секреты и ребусы, там, уверен, в обилии запятанные.

Что меня порадовало в том невероятно жестоком, кровожадном и одновременно лирическом произведении, так это фрагмент, когда один из героев рассказывает за столом своему приятелю о том, как он в детстве с шоблой сотоварищей убивал своего ровесника, соседского мальчика, страдающего аллергией на пчёл. Тогда они бросили в него улей с заранее выведенными из под контроля дикими пчёлами, которые, понятное дело, принялись жалить того бедного, напуганного, незащитного ребёнка. Читая этот отрывок – кажется, уже в далёком прошлом – меня всё не хотела покидать одна привязчивая и, однако, утешительная мысль о том, что не один я в детстве был аморальной сволочью, красочно представлявшей, фантазируя, кровосмесительные акты с собственной двоюродной сестрой; что бывали на веку человеческом куда более омерзительные подонки, которых не жаль бросить и в чан с раскалённым маслом. Хотя и раньше, в противовес, мне в помощь в нелёгком деле оправдания собственных странноватых наклонностей были множественные исторические факты, когда кузен и кузина сочетались в браке. Когда такие союзы считались приоритетными, так как, по тем варварским представлениям, такие внутрисемейные союзы не портили кровь рода. Вот только интересно, часто ли у тех умников рождались дебили или дети с двумя головами или без каких-либо конечно-

стей вследствие генетических мутаций, вызванных инцестом? Но что-то мне подсказывает, что в истории подобные моменты совсем не сохранялись из-за любезного посредства знатных родственников, которым претило соседство в их династии с обиженными провидением уродами. И, разумеется, в таких случаях повитухи напоминали перепуганным суеверным родителям о давней спартанской традиции умерщвлять убогих и некрасивых младенцев, пока их недолгое существование не бросило тень на репутацию влиятельной фамилии. В селекции это называется «искусственным отбором по фенотипу».

Как нет абсолютного знания, так в этом мире нет абсолютного понятия, которое бы на протяжении столетий не изменяло бы своих значений и полюсов. Всё зависит от того, во что верят лидеры мнений. Что для них является нормой, законом морали и нравственности. Что является извращением, а что путём совести. Именно это становится каноном и нравами поколений целой эпохи. Именно такие метаморфозы, противоречивые метаморфозы общественного мнения – определения «добра» и «зла» – сделали Льюиса Кэрролла в глазах современного человека, обывателя XXI века, педофилом. Суть в том, что в викторианской Англии проявление здорового сексуального потенциала, а именно: ухлёстывание за особами женского пола – считалось поведением аморальным, оно порицалось всем высшим светом; секс считался сугубо супружеской прерогативой, к тому же строго детородной, тогда как случайные связи воспринимались чуть ли не девиацией. Но, как бы то ни было, писатель был здоровым, в меру адекватным мужчиной, которому совсем не претили отношения с женщинами, что, однако, после смерти классика было опровергнуто его набожными родственниками, которые, конечно же, исходя из благих побуждений, пытались сделать образ покойного родича как можно более положительным по критериям того времени, как можно более схожим с личностью монаха. Но их синтезированный культурный образ-суррогат был образом замкнутого в себе, неуверенного и закомплексованного социопата-математика. На этом фоне отношения Льюиса Кэрролла с маленькой племянницей Алисой принимают весьма негативный окрас. Но, опять же, по мнению сегодняшнего обывателя. В *то* же время дети считались асексуальными, не имеющими никакой возможности являться объектами вожделения взрослых. Теоретически: педофилов тогда не существовало. *Практически* же для них было полное раздолье. В начале XX века теория психоанализа Зигмунда Фрейда окрестила Кэрролла содомитом, падким на детей, что отнюдь является не более чем огульным обвинением знаменитого мифологиста Фрейда, к чьим идеям относится к тому же идея о том, что кроличья нора, присутствующая в «Алисе в Стране Чудес» – не что иное, как подсознательная аллюзия на женскую вагину.

Ха, вот они – последствия беседы с писателем на фоне чужих сношений!

Нравы того времени вообще часто заставляют меня порадоваться за присутствие логики сегодняшних приоритетов – а их плюрализм и нередко даже и противоречия, и даже взаимоисключение одного другим – я всё ещё говорю о приоритетах – дают широкую арену для нахождения истины. Мне не раз приходилось думать о том, насколько нравственно было в монархическую эпоху такое явление как «свадьба»? Ведь зачастую дочерей не выдавали замуж, считаясь с их любовными предпочтениями, а продавали непосредственно в сексуальное рабство каким-нибудь дряблым похотливым старикашкам, изголодавшимся по свеженькой девчатине. В то время не было такого выражения как шлюхи класса люкс. Тогда все пользовались словом «содержанки» или «колотки». И отличало их, то есть светских дам, от обычных проституток только то, сколько они брали за коитус с собой. Как мне представляется то время, тогда всё высшее общество было построено на основе меркантильного блуда. И зря мы с писателем в тот день, когда он гостил на порно-съёмках, говорили, что лишь сейчас блудницы могут всё начать сначала и забыть своё прошлое; что якобы только лишь сейчас началась пора человеческой свободы и воли – это было и раньше, но то являлось, однако, единственно привилегией богачей, которым было относительно плевать на то, принимает ли барышня за ночь кучу мужиков и облизывает ли она их с ног до головы; важно было лишь, с какой наглостью и каким

шиком она это выставляет на показ. И если уж продолжать говорить глобальными фразами, то тогда, в пору этих странных шлюховатых и одновременно как будто бы набожных веков, царил культ изнасилований – мне опять вспоминаются эти ужасающие мезальянсы, готовые сценарии для порно категории «геронтофилия». Культ, при котором родители девушек не считали важным, будет ли их девочка счастлива в браке? Или же её еженощно будут в постели терзать и сексуально унижать? Эх... и мне думается, может, сейчас стало лучше? Может сейчас у людей появилось право просто друг друга любить? Но тут же мне на ум приходит вполне себе существующий факт, живописующий о всём том мракобесии, которое до сих пор жрёт и глодает человеческие рассудки, не давая людям тем самым стать цивилизованными существами, а заставляет прозябать в личинах грязных вонючих обезьян. Удивительно, но во многих городах Казахстана, казалось бы, современном государстве, и по сей день живёт традиция сватовства, а если просто и на чистоту, то девушку может присвоить себе любой, кому не лень: украсть, надеть на неё ошейник и сказать, что она его жена. На желания самой девушки всем, в том числе и родителям, плевать. И всё это – традиции. К слову о том, насколько ж это всё глупо и нелепо – им следовать: рубить на куски беззащитных дельфинов или делать из собственной дочери самку, безвольную и бессловесную суку для супружеских случек.

Лёжа на кровати, я представляю казахских девушек, плачущих, взывающих к равнодушным родителям о пощаде, о помощи, чтоб они её защитили. Но те лишь помогают будущему супругу, истекающему слюной и пакостной половой слизью, волочить вырывающуюся, визжащую дочь к машине, чтобы отвезти ту на свадьбу. Силой принуждают надеть платье. Поцеловать мужа. Лечь с ним в постель. Угрожая отречением и проклятием...

Борат Садгиев и Саша Барон Коэн вместе с плеядой авторов-сценаристов были правы – их едкая ирония превзошла все мыслимые и немыслимые ожидания.⁵

И сейчас, засыпая, я мысленно говорю:

«Пошли бы к чёрту все эти дебилские традиции конченных ретроградных дегенератов!»

«Пошли бы к херам все их каноны и законы морали и нравственности!»

«Ликуйте, сучьи испанские изверги, очередной забитой туше быка!»

«Я никогда не прощу датчанам багровые воды у Фарерских островов!»

«Не прощу ни одной скудоумной казахской бабке загубленную жизнь её внучки!»

«Не прощу тех озверевших родителей, что отдают своих взывающих о помощи дочерей на растерзание этим примитивным собственникам и деспотичным трахалям!»

«Я – нигилист».

«Я – ненавистник всего рода людского».

За его лицемерие, ханжество и откровенную тупость.

Постмодернизм – это не то, что *принято* считать постмодернизмом. Не тот теоретический бред, который продекламировал мне писатель в своё время, рассматривая чужие, совокупляющиеся срамы.

«Я против!»

Постмодернизм – это пыточная камера, заставляющая людей говорить только правду.

Его границы размыты. Потому что их нет.

И в первую очередь – нет традиций. Нет силков. И нет механизмов сдерживания. Нет рамок. Единый поток. Ошпаривающий до самого мяса и костей. Поток сознания. Воображения. Поток грязи и вонючей тошнотины. С чистого листа. С нулевой точки. С нулевого часа. Ниспровергатель устоев и авторитетов.

Пыточная камера, заставляющая людей говорить только правду.

Натурализм новой эры.

Так стыдно, как не было ещё никогда.

⁵ Речь идёт о нашумевшем кинофильме «Борат» с комиком Сашей Бароном Коэном в главной роли.

Финал

Я не слышу зла.

Я не вижу зла.

Я не произношу зла.

Я его не совершаю.

Зло – первозданное, никем и ничем не тронутое – вызревает внутри меня.

Пролегомена

В последнее время я сплю очень чутко.

Не помню, в какую из ночей или дней это началось. Просто как-то заметил, что пристально слежу за тем, как гудит мотор моего холодильника. Но что самое неприятное в этой ситуации – я не могу отвлечься от этого чудовищного звука, пока тот не кончится промежуточным отключением мотора. В это время я фанатично убеждаю себя и принуждаю заснуть. Но холодильник включается снова, и мне опять слышится этот назойливый, дребезжащий бубнёж долбанной железяки.

Я ворочаюсь. Злюсь. Сердце начинает колотиться в груди. Кровь стучит в ушах и шее. Меня всё это бесит. Бесит, что не могу просто-напросто уснуть, как нормальный человек. Не могу уснуть из-за какой-то чёртовой колымаги, которая всё зудит и зудит мне под ухо: «Бдрррр...» Моментами мне кажется, что холодильник просто издевается надо мной, специально нагнетая свои утробные оры. Я уже даже не обращаю внимания на мошек, потому что каким-то чудесным образом эти твари меня больше не допекают своим жужжанием, своим писком, укусами. Теперь передо мной встала другая проблема. Грохочущий холодильник, который не даёт мне отдохнуть.

Я обречённо перекатываюсь на спину и начинаю пялиться в потолок.

Порой я вскакиваю с кровати и взбешённый иду к этой растреклятой белой херне, потому что мне отчётливо кажется, что в общем шуме моторного гоготания появились тренькающие нотки стекла. Я сильным, озверевшим рывком распахиваю дверцу – зажигается свет. Опухшими глазами шарю по полкам с едой в поисках этой ублюдочной банки, которая бьётся о другую такую же ублюдочную стеклянную тару и гремит. Но заспанным взглядом я ни черта не нахожу и с грохотом захлопываю морозильный белый ящик. С грохотом! Так, что все его внутренности: пластиковые полочки и футляры для яиц, сами яйца, бутылки с не знаю чем, оставшая упакованная-переупакованная еда – всё это жалобно взвизгивает и гремит, долбится о стенки и другие предметы внутри. Мне хочется, чтоб там что-нибудь вдребезги разбилось. Я хочу, я надеюсь, что эта стекляшка, трущаяся о другую такую же стекляшку в приступе блядской похоти, сместится куда-нибудь в сторону от моего удара дверцей, и этот ужасный, нервнирующий дребезг перестанет насиловать мои нервы, уши, меня в целом и даст мне поспать.

Я снова ложусь. Нет. Я злобно рушусь на постель, взметая вверх столпы невидимой пыли и крошек. От злости мне хочется в мясо разорвать и кровать.

Сердце всё не уймётся. Пульс не снижается. И я всё слышу и слышу этот паскудный звук. Это жужжание. Меня трясёт. Мои веки дёргаются, как и верх переносицы. От психа щекочет запястья и ляжки. Мышцы, мои руки и ноги хотят что-нибудь разбить, разорвать, раскромсать, растоптать, уничтожить, сплющить, причинить чему-нибудь невыносимые страдания и колющую, давящую боль в отместку тех мук, что сейчас испытываю я, в который раз прослушивая эту душераздирающую и мозгисъживающую чертовщину из фреонных недр морозильного гроба. И всё же как-то мне удаётся уснуть. Как и все остальные ночи, когда мне не спится и когда я развлекаю себя тем, что придумываю различные способы расквитаться с той пыточной машиной, которая в обилие морозит бройлерные трупы и мёртвые куриные яйцеклетки для моих обедов и ужинов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.